

Въ настоящее время дорогая для меня Академія, удостоивъ меня высокої чести снова принадлежать къ ея досточтимой корпораціи, естественно вызываетъ во мнѣ чувства не только глубочайшей благодарности, но и искренней, сердечной радости, такъ какъ ея избраніе снова приближаетъ меня къ той, которая отъ юныхъ моихъ дней была всегда для меня родною и сердечно близкою.

Всепокорѣйше прошу Ваше Преосвященство передать Совѣту Академіи мою глубокую и сердечную благодарность за высокую честь, которой онъ меня удостоилъ, а Васъ сверхъ того принять отъ меня почтительную и сердечную признательность за любезную телеграмму съ извѣщеніемъ о моемъ избраніи.

Опредѣлили: Письмо хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

VI. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ за время съ 16 сентября по 31 октября сего 1904 года, изъ которой видно, что а) *по болѣзни*: исправляющій должность доцента и лекторъ французскаго языка Павелъ Соколовъ опустилъ 25 лекцій, заслуженный ординарный профессоръ Василии Ключевскій—6 лекцій, экстраординарный профессоръ Александръ Шостынь—5 лекцій, о. Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ, экстраординарные профессора Анатолиі Спасскій и Иванъ Андреевъ—по 4 лекціи, временный преподаватель, заслуженный ординарный профессоръ Академіи Григоріи Воскресенскій и лекторъ нѣмецкаго языка Василии Лучининъ—по 2 лекціи; б) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: исправляющій должность доцента и лекторъ англійскаго языка Илья Громогласовъ—8 лекцій, заслуженный ординарный профессоръ Петръ Цвѣтковъ, экстраординарный профессоръ Михаилъ Тарѣевъ и исправляющій должность доцента Дмитріи Коноваловъ—по 4 лекціи, доцентъ Николаи Городенскій—2 лекціи и заслуженный ординарный профессоръ Николаи Заозерскій—1 лекцію.

Опредѣлили: Вѣдомость записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VII. Прошеніе заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Василия Соколова:

„Прослуживъ тридцать лѣтъ на кафедрѣ и уже не чувствуя въ себѣ той крѣпости силъ, которая въ должной мѣрѣ соотвѣтствовала бы высокимъ требованіямъ профессорскаго служенія, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи ходатайствовать предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи меня отъ академической службы съ присвоенными мому званію мундиромъ и пенсіей“.

Справка: 1) По § 81 лит. в п. 5 устава духовныхъ академіи увольненіе профессоровъ отъ занимаемыхъ ими должностей значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ, чрезъ Епархіальнаго Преосвященнаго, въ Святѣйшій Синодъ.—2) По § 94 лит. в п. 5 (примѣчаніе) того же устава дѣла о назначеніи пенсій и пособій служащимъ при Академіи представляются Правленіемъ Академіи Епархіальному Преосвященному для надлежащихъ сношеній съ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода.

Опредѣлили: 1) Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ увольненіи заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Василія Соколова отъ службы при Академіи съ мундиромъ, занимаемой имъ должности присвоеннымъ. 2) Дѣло объ исходатайствованіи профессору Соколову установленной пенсіи передать въ Правленіе Академіи.

VIII. Прошеніе доцента Академіи по кафедрѣ теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ Николая *Городенскаго*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе пользоваться книгами изъ бібліотеки Императорскаго Московскаго Университета, въ чемъ я имѣю крайнюю надобность въ виду скудости отдѣловъ нашей академической бібліотеки по преподаваемымъ мною предметамъ“.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Ректоромъ Императорскаго Московскаго Университета о разрѣшеніи доценту Академіи Николаю Городенскому пользоваться книгами изъ университетской бібліотеки.

IX. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 22 сентября за № 7331: „По утвержденному Г. Сино-

дальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 16 сентября 1904 года, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Сергѣй *Богословскій* освобожденъ, согласно прошенію, отъ даннаго ему назначенія 16 августа 1904 года въ Смоленскую духовную семинарію, а на его мѣсто—помощникомъ инспектора въ Смоленскую духовную семинарію опредѣленъ кандидатъ Московской же духовной академіи Николай *Казанцевъ*“.

б) отъ 28 сентября за № 7517: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Прокуроромъ 23 сентября 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Александръ *Антоновъ* опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе классы Иркутскаго духовнаго училища“.

в) отъ 28 сентября за № 7521: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 23 сентября 1904 года, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Николай *Буравцевъ* опредѣленъ на должность преподавателя гомилетики съ соединенными предметами въ Тверскую духовную семинарію“.

г) отъ 6 октября за № 7661: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 30 сентября 1904 года, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Николай *Богдановъ* опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе классы Виленскаго духовнаго училища“.

д) отъ 6 октября за № 7669: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 30 сентября 1904 года, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Павелъ *Свавицкій* опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Владимірскую духовную семинарію“.

е) отъ 15 октября за № 7992: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, 7 октября 1904 года, докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Григорій *Старокадомскій* опредѣленъ на должность преподавателя обличительнаго богословія, исторіи и обличенія русскаго раскола и мѣстныхъ сектъ въ Екатеринославскую духовную семинарію“.

ж) отъ 15 октября за № 7998: „По утвержденному Г. Сино-

дальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 7 октября 1904 года доклада Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Георгій *Вершинскій* опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Мивскую духовную семинарію, съ жалованьемъ изъ епархіальныхъ средствъ“.

з) отъ 20 октября за № 8151: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 14 октября 1904 года доклада Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Василій *Трапизынъ* опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Архангельскую духовную семинарію, а назначенный 16 августа 1904 года на эту вакансію кандидатъ Московской же духовной академіи Дмитрій *Немѣшаевъ* освобожденъ отъ даннаго ему назначенія“.

и) отъ 27 октября за № 8278: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 21 октября 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Дмитрій *Немѣшаевъ* опредѣленъ на должность учителя географіи и ариѳметики въ Устюжское духовное училище“.

і) отъ 16 ноября за № 8863: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 11 ноября 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Сергій *Ильинскій* опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе классы Переславскаго духовнаго училища.

Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣшаго Синода долгомъ представляетъ сообщить о семъ Совѣту академіи для свѣдѣнія“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

Х. Прошеніе преподавателя Ливенскаго духовнаго училища Тихона *Петрова*:

„Представляя при семъ въ качествѣ диссертациі на соисканіе степени магистра богословія свое рукописное сочиненіе подъ заглавіемъ: „Значеніе Антиохійской церкви въ исторіи догматическихъ движеній четвертаго вѣка. (Движенія, связанныя съ вопросомъ о Св. Троицѣ)“, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи дать дѣлу надлежащій ходъ“.

Справка: 1) Г. Тихонъ Петровъ окончилъ курсъ въ Московской Духовной Академіи въ 1897 году со степенью кандидата

богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.—2) Переработка кандидатскаго сочиненія въ магистерскую диссертацию разрѣшена была ему резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 11 ноября 1900 года.—3) § 81 лит. а п. 6 устава духовныхъ академій.

Опредѣлили: Диссертацию преподавателя Ливенскаго духовнаго училища Тихона Петрова передать для разсмотрѣнія экстраординарному профессору Академіи по каверѣ общей церковной исторіи Анатолю *Спаскому*.

XI. а) Отношеніе (на имя Правленія Академіи) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 30 сентября за № 1385:

„Студентъ IV курса Московской Духовной Академіи Владиміръ Никитскій обратился съ прошеніемъ въ Духовный Соборъ о разрѣшеніи ему занятія въ Лаврскихъ архивѣ и библіотекѣ, хранящихъ, по его словамъ, основной матеріаль для его кандидатской работы („Благотворительность Св. Троицкой Сергіевой Лавры“).

Не имѣя возможности, въ видахъ сохранности Лаврскихъ рукописей, разрѣшить какъ названному просителю, такъ и кому бы то ни было, занятія въ Лаврскихъ архивѣ и библіотекѣ, Духовный Соборъ покорнѣйше просить Правленіе Московской Духовной Академіи поставить объ этомъ въ извѣстность какъ студентовъ Академіи, такъ и гг. Профессоровъ. На будущее время, для научныхъ занятій, Лаврскія рукописи будутъ отпускаемы только по письменному каждый разъ сношенію съ Соборомъ Правленія Академіи и съ тѣмъ, чтобы занятія происходили въ Академической библіотекѣ, подъ личнымъ наблюденіемъ и полною отвѣтственностью Г-на Библіотекаря Академіи, которому и будутъ выдаваемы требуемыя рукописи подъ росписку. При этомъ Соборъ покорнѣйше просить оное Правленіе, при открывшейся надобности пользоваться какою-либо Лаврскою рукописью, каждый разъ указывать въ своемъ отношеніи: какая именно рукопись требуется, для кого, на какой предметъ и на какой срокъ? По окончаніи же опредѣленнаго срока, возвращать рукописи при своемъ отношеніи въ Духовный Соборъ, въ исправномъ видѣ“.

Справка: 1) Постановленіе Духовнаго Собора Лавры сообщено гг. профессорамъ и преподавателямъ Академіи, съ одобренія которыхъ только и выписываются изъ другихъ

учрежденіи книги и рукописи для занятіи студентовъ Академіи. — 2) Студентъ Никитскій обращался съ прошеніемъ въ Духовный Соборъ Лавры съ разрѣшенія Преосвященнаго Ректора Академіи и по указанію руководящаго его занятіями и. д. доцента Академіи Сергѣя Смирнова.

б) Отношеніе того же Духовнаго Собора Лавры отъ 23 октября за № 1528:

„Вслѣдствіе отношенія Совѣта Академіи отъ 15-го сего октября за № 999, Духовный Соборъ, препровождая при семь, для научныхъ занятій заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи Гр. А. Воскресенскаго, слѣдующія принадлежащія Лаврѣ рукописи: 1) Евангеліе и Апостоль по церковнымъ чтеніямъ, изъ ризницы Лавры, подъ № 2, на пергам. 266 лист. 2) Апостоль изъ ризницы Лавры подъ № 1, на бум. 578 л. и 3) Апостоль по церковнымъ чтеніямъ, изъ бібліотеки Лавры, подъ № 79—87, на бумагѣ, 320 л.,—имѣеть честь покорнѣйше просить о полученіи ихъ не оставить Соборъ сей увѣдомленіемъ, а по минованіи мѣсячнаго срока возвратитъ рукописи въ Духовный Соборъ“.

Справка: Означенныя въ отношеніи рукописи переданы были, для пользованія заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи Григорія Воскресенскаго, въ фундаментальную академическую бібліотеку и, по минованіи въ нихъ надобности, возвращены Духовному Собору, съ выраженіемъ благодарности, при отношеніи Совѣта Академіи отъ 18 сего ноября за № 1084.

в) Отношеніе О. Настоятеля Ставропигіальнаго Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря архимандрита Серафима отъ 7 октября за № 295:

„Имѣю честь препроводитъ казенной посылкой, согласно указа Московской Святѣйшаго Синода Конторы отъ 4 октября 1904 года за № 2163, рукопись Апостола XIV в. № 4, на срокъ до двухъ мѣсяцевъ, для научныхъ занятій Г-на Профессора Г. А. Воскресенскаго, о полученіи покорнѣйше прошу меня увѣдомитъ“.

Справка: Означенная въ отношеніи рукопись получена и передана въ фундаментальную академическую бібліотеку, о чемъ О. Настоятелю монастыря и сообщено отношеніемъ отъ 16 октября за № 1000.

г) Отношеніе Управленія Императорской Публичной Библиотеки отъ 9 октября за № 2390:

„Вслѣдствіе отношенія отъ 27 Августа сего года за № 749, Управление Императорской Публичной Библиотеки имѣетъ честь препроводить при семъ въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи срокомъ на 2 мѣсяца, для научныхъ занятій и. д. доцента Академіи Е. А. Воронцова слѣдующія изданія: 1. А. Я. Гаркави, Зихронъ Ларишонимъ, часть VIII, и 2. С. Е. Виперъ. Еврейскія народныя пѣсни.

Что же касается до изданія Chwolson. Syrisch—nestorianische Inschriften, изд. 1890, то таковое въ настоящее время находится въ чтеніи у читателя Библиотеки и по возвращеніи изъ чтенія будетъ немедленно доставлено въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“.

Справка: Означенныя въ отношеніи изданія (кромѣ послѣдняго) получены и переданы для пользованія и. д. доцента Академіи Евгению Воронцову.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XII. Отношеніе Управленія Императорскаго Россійскаго Историческаго Музея въ Москвѣ отъ 8 октября за № 746:

„Въ виду истеченія срока, на который присланъ въ Музей, для научныхъ занятій помощника библиотекаря П. М. Тарабрина, экземпляръ Библии Пискагора, принадлежащій Библиотекѣ Академіи, Управление Музея имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ не отказать въ продолженіи означеннаго срока по 1 января 1905 года“.

Справка: Отношеніемъ отъ 15 октября за № 997 Управленію Музея сообщено, что со стороны Совѣта Академіи не встрѣчается препятствій къ удовлетворенію означенной просьбы Управленія.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Отношенія:

а) Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ отъ 11 октября за № 335:

„Отдѣленіе русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи не отказать въ распоряженіи на высылку въ Отдѣленіе принадлежавшей Библиотекѣ Московской Духовной Академіи рукописи, отмѣченной въ „Описаніи“ о. архимандрита Леониды (см. вып. II, стр. 1-ую) изъ числа Троицкихъ рукописей, поступившихъ въ Духовную Академію,—подъ № 1 (12); „Библия—книги вет-

хаго завѣта съ приложеніями“—срокомъ на три мѣсяца. Отдѣленіе считаетъ необходимымъ присвокупить, что во все время пользованія означенная рукопись будетъ храниться въ I-омъ (Русскомъ) Отдѣленіи Библіотеки Академіи Наукъ и по минованіи надобности будетъ немедленно возвращена по принадлежности“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора Академіи означенная въ отношеніи рукопись выслана въ Отдѣленіе при отношеніи отъ 15 октября за № 998. Объ исправномъ полученіи ея имѣется увѣдомленіе Отдѣленія отъ 29 октября за № 384.

б) Совѣта Кіевской Духовной Академіи отъ 16 октября за № 1856: „Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи покорнѣйше проситъ Совѣтъ Московской Духовной Академіи выслать на имя Совѣта для научныхъ занятій студента IV курса Академіи Павла Смирнова, на двухмѣсячный срокъ, слѣдующія книги изъ академической библіотеки:

- 1) Eichhorn, Allgemeine Bibliothek der biblischen Literatur (т. 1—2).
- 2) Keerl, Die Apokryphen des alten Testaments.
- 3) Stier, Die Apokryphen des alten Testaments.
- 4) Reusch, Lehrbuch der Einleitung in das alte Testament.
- 5) Eichhorn, Einleitung in die apokryph. Schriften des alt. Testaments: die Apokryphen.
- 6) Michaelis, Orientalische und exegetische Bibliothek (10—14 т.).
- 7) Журналъ: „Tüb. Theol. Quartalschrift“ за 1859 годъ“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора означенныя въ отношеніи книги (за исключеніемъ послѣдней, которой въ академической библіотекѣ не оказалось) препровождены въ Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи на двухмѣсячный срокъ при отношеніи отъ 28 октября за № 1003.

в) Преосвященнаго Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 11 ноября за № 2186:

„Профессорскій стипендіатъ С.-Петербургской Духовной Академіи Александръ *Оедоровъ*, при написаніи своего курсоваго сочиненія встрѣтивъ надобность въ рукописи, хранящейся въ библіотекѣ Московской Духовной Академіи за № 520 (по опис. № 156), сборникъ писан. полууставомъ и скорописью XVI в. въ 1/4 л., на 374 л.,—обратился ко мнѣ

съ прошеніемъ о выпискѣ ему названной рукописи для его научныхъ занятій срокомъ на два мѣсяца. Вслѣдствіе сего, честь имѣю покорнѣйше просить Совѣтъ Московской Духовной Академіи не отказать выслать въ Совѣтъ СПб. Духовной Академіи просимую А. Федоровымъ рукопись срокомъ на два мѣсяца“.

Опредѣлили: 1) Выслать въ Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи означенную въ послѣднемъ отношеніи рукопись на двухмѣсячный срокъ.—2) Прочее принять къ свѣдѣнію.

XIV. Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи Ректора С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 4 ноября за № 2151:

„Профессорскій стипендіатъ ввѣренной мнѣ С.-Петербургской Духовной Академіи Алексѣй *Котовичъ*, занимаясь разработкою темы: „Положеніе духовной цензуры въ Россіи въ первой половинѣ XIX вѣка“, встрѣтилъ существенную нужду познакомиться съ дѣлами Духовно-Цензурнаго Комитета, существовавшаго при Московской Духовной Академіи, а равно съ дѣлами Московской Духовной Цензуры, архивъ которой, при ея закрытіи въ 1828 г., былъ переданъ въ Московскую Академію,—и просилъ меня ходатайствовать предъ Вашимъ Преосвященствомъ о разрѣшеніи ему доступа и занятій въ архивѣ Московской Духовной Академіи во второй половинѣ сего мѣсяца ноября.

Вслѣдствіе сего имѣю честь покорнѣйше просить Ваше Преосвященство разрѣшить Алексѣю Котовичу доступъ и занятія въ архивѣ Московской Духовной Академіи“.

Опредѣлили: Разрѣшить профессорскому стипендіату С.-Петербургской Духовной Академіи Алексѣю Котовичу ознакомиться съ дѣлами академическаго Духовно-Цензурнаго Комитета, а равно и съ дѣлами Московской Духовной Цензуры, хранящимися въ фундаментальной академической бібліотекѣ.

XV. Представленіе бібліотекаря Академіи Константина *Попова*:

„Честь имѣю представить на благоусмотрѣніе Совѣта Академіи выборъ и назначеніе къ выпискѣ въ бібліотеку на будущій 1905 годъ періодическихъ изданій. При семъ прилагаю списокъ періодическихъ изданій, высылаемыхъ въ академическую бібліотеку въ текущемъ 1904 году“.

Опредѣлили: Поручить бібліотекарю Академіи Константину Попову выписать для академической бібліотеки на 1905 годъ слѣдующія изданія:

А. Русскія:

1. Русскій Архивъ.
2. Вопросы Философіи и Психологіи.
3. Восходъ.
4. Русскій Врачъ.
5. Византійскій Временникъ.
6. Вѣстникъ Воспитанія.
7. Вѣстникъ Европы.
8. Вѣстникъ Иностранной Литературы.
9. Вѣстникъ Права.
10. Вѣстникъ Психологіи.
11. Историческій Вѣстникъ.
12. Правительственный Вѣстникъ.
13. Русскій Филологическій Вѣстникъ.
14. Филологическія Записки.
15. Кн. маг. Т-ва М. Ө. Вольфъ Извѣстія по Библиографіи.
16. Русская Мысль.
17. Нива.
18. Этнографическое Обзорѣніе.
19. Кіевская Старина.
20. Русская Старина.
21. Русская Школа.

Б. Иностранныя:

22. Archiv für Geschichte der Philosophie.
23. Archiv für katholisches Kirchenrecht.
24. Archiv für Papyrustorschung.
25. Archiv für slavische Philologie.
26. Archiv für die gesamte Psychologie.
27. Archives de Psychologie.
28. Beiträge zur Förderung christlicher Theologie.
29. Beweis des Glaubens.
30. Expositor.
31. Guardian.
32. Jahrbuch des Vereins für wiss. Pädagogik.

33. Journal de Psychologie.
34. Journal of theological studies.
35. International Journal of Ethics.
36. Kantstudien.
37. Theologische Literaturzeitung.
38. Mind.
39. Natur und Offenbarung.
40. Oriens Christianus.
41. Theologische Quartalschrift.
42. Theologisch-praktische Quartalschrift.
43. English Historical Review.
44. Revue de l'art chrétien.
45. Revue biblique.
46. Revue de deux mondes.
47. Revue d'histoire ecclesiastique.
48. Revue d'histoire litteraire de la France.
49. Revue gd l'histoire des religions.
50. Revue historique.
51. Revue de l'orient chrétien.
52. Revue philosophique.
53. Revue des questions scientifiques.
54. Revue scientifique.
55. Revue de synthèse historique.
56. Revue internationale de théologie.
57. Kirchengeschichtliche Studien.
58. Theologische Studien und Kritiken.
59. Vierteljahrschrift für wissenschaftliche Philosophie.
60. Historische Vierteljahrschrift.
61. Wochenschrift für klassische Philologie.
62. Zeitschrift für Assyriologie.
63. Zeitschrift für Kirchengeschichte.
64. Zeitschrift für Psychologie.
65. Zeitschrift für wiss. Theologie.
66. Zeitschrift für alttest. Wissenschaft.
67. Zeitschrift für neutestam. Wissenschaft.
68. Bysantinische Zeitschrift.

XVI. Собственноручныя показанія студентовъ I курса о желаніи ихъ избрать для спеціальнаго изученія въ теченіе академическаго курса предметы первой или второй группы, одинъ изъ древнихъ и одинъ изъ новыхъ языковъ.

По симъ показаніямъ изъявили желаніе слушать:

<i>предметы первой группы:</i>	<i>изъ языковъ:</i>
1. Авраменко Иванъ	греч. франц.
Бабаковъ Николаѣ	лат. англ.
Беневоленскій Иванъ	лат. франц.
Боголѣповъ Николаѣ	лат. нѣм.
5. Борисовъ Пантелеимонъ	лат. франц.
Бурмакинъ Николаѣ	лат. нѣм.
Витальскій Александръ	лат. нѣм.
Воскресенскій Андрей	лат. нѣм.
Голощаповъ Сергѣѣ	лат. нѣм.
10. Добролюбовъ Петръ	лат. англ.
Дьяконовъ Дмитрій	греч. нѣм.
Красновскій Ипполитъ	лат. нѣм.
Крыловъ Павелъ	лат. нѣм.
Любимовъ Николаѣ	лат. нѣм.
15. Малкалнъ Владиміръ	лат. франц.
Масюковъ Иннокентій	греч. англ.
Миролюбовъ Георгій	лат. нѣм.
Назаркевичъ Поліевктъ	греч. франц.
Нарскій Борисъ	лат. нѣм.
20. Перловъ Николаѣ	греч. нѣм.
Поповъ Алексѣѣ	лат. нѣм.
Преображенскій Иванъ	лат. англ.
Протопоповъ Николаѣ	лат. англ.
Русиновъ Виталій	лат. нѣм.
25. Смирновъ Леонидъ	лат. нѣм.
Смирновъ Михаилъ	лат. нѣм.
Свящ. Совѣтовъ Алексѣѣ	лат. нѣм.
Соколовъ Виталій	лат. нѣм.
Соколовъ Владиміръ	лат. нѣм.
30. Стеблевъ Борисъ	лат. нѣм.
Трембовецкій Владиміръ	греч. нѣм.
Троицкій Аркадій	греч. нѣм.
Успенскій Василій	лат. нѣм.
Флоренскій Павелъ	греч. англ.
35. Хакимъ Александръ, палест. урож.	лат. франц.
Свящ. Шеметилло Николаѣ	лат. англ.
Свящ. Шумскій Феодоръ	лат. франц.

<i>предметы второй группы:</i>	<i>изъ языковъ:</i>
1. Бѣликовъ Василій	лат. нѣм.
Бѣлоусовъ Евгеній	лат. нѣм.
Бѣляевъ Борисъ	греч. англ.
Владимірскій Сергѣй	лат. франц.
5. Волосевичъ Михаилъ	лат. нѣм.
Гусевъ Сергѣй	лат. англ.
Добросердовъ Александръ	лат. нѣм.
Добротворцевъ Борисъ	греч. англ.
Дубенскій Александръ	лат. нѣм.
10. Ершовъ Михаилъ	лат. нѣм.
Свящ. Козловъ Іоаннъ	лат. франц.
Куксъ Августинъ	лат. нѣм.
Ланге Филиппъ	греч. нѣм.
Магнитскій Иванъ	лат. нѣм.
15. Махаевъ Николай	греч. англ.
Миртовъ Иванъ	лат. англ.
Мяшкинъ Григорій	лат. англ.
Нечаевъ Петръ	лат. англ.
Обновленскій Иванъ	лат. нѣм.
20. Песковъ Борисъ	греч. англ.
Пивевичъ Семень	лат. нѣм.
Помеловъ Георгій	лат. франц.
Прытковъ Сергѣй	лат. нѣм.
Салагоръ Павелъ	лат. нѣм.
25. Самуиловъ Евгеній	лат. нѣм.
Смирновъ Николай	лат. нѣм.
Сныткинъ Михаилъ	лат. нѣм.
Сѣдовъ Стефанъ	лат. нѣм.
Троицкій Петръ	лат. англ.
30. Успенскій Александръ	лат. нѣм.

Опредѣлили: Утвердивъ распределеіе студентовъ I курса по группамъ и классамъ древнихъ и новыхъ языковъ, — собственноручныя показанія ихъ хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

XVII. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора студента II курса Академіи *іеродіакона Стефана* (Беха):

„Имѣю честь, покорнѣйше просить Ваше Преосвященство ходатайствовать предъ Совѣтомъ ввѣренной Вамъ Академіи объ освобожденіи меня отъ письменныхъ зачетныхъ работъ,

положенныхъ на этотъ учебный годъ, съ одной стороны потому, что онѣ всѣ удовлетворительно выполнены въ минувшемъ году, съ другой стороны, чтобы мнѣ имѣть возможность за этотъ годъ пополнить пробѣлы по семинарскому курсу богословскихъ наукъ, въ виду моего свѣтскаго среднего образованія“.

Справка: 1) По опредѣленію Совѣта Академіи отъ 3 іюня текущаго 1904 года студентъ II курса іеродіаконъ Стефанъ (Бехъ) вслѣдствіе неуспѣшности, зависѣвшей отъ болѣзненнаго его состоянія, оставленъ былъ во II курсѣ на второй годъ.—2) Семестровыя сочиненія іеродіакона Стефана за минувшій 1903—1904 учебный годъ отмѣчены были баллами: 3—, 3, 3^{1/2}; проповѣдь—балломъ 3^{1/2}.

Опредѣлили: Освободить студента іеродіакона Стефана отъ обязанности представленія письменныхъ работъ, назначенныхъ въ текущемъ 1904—1905 учебномъ году студентамъ II курса Академіи, вмѣнивъ ему въ обязанность воспользоваться этою льготою для пополненія пробѣловъ его богословскаго образованія.

XVIII. Прошенія студентовъ: III курса—сербскаго уроженца Іосифа *Цвѣтановича* и I курса—палестинскаго уроженца Александра *Хакима* о разрѣшеніи имъ, въ виду болѣзненнаго состоянія и непривычки къ условіямъ общежитія, жить на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ Посадѣ.

Справка: Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 28 апрѣля 1887 года за № 1377 Совѣту Академіи дозволено разрѣшать студентамъ—иностранцамъ жить внѣ академическихъ зданій.

Опредѣлили: Дозволить студентамъ Іосифу Цвѣтановичу (III к.) и Александру Хакиму (I к.) жить на частныхъ квартирахъ въ Сергіевскомъ Посадѣ, о чемъ и сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

XIX. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи діакона Вознесенскоѣ, Сергіевскаго Посада, церкви Димитрія *Журенкова*:

„Желая продолжить и завершить свое образованіе въ Московской Духовной Академіи, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство принять меня въ число вольныхъ слушателей перваго курса.—По окончаніи въ 1900-мъ году курса въ Виѣвской Духовной Семинаріи въ первомъ разрядѣ, я состоялъ учителемъ Спасо-Преображенскоѣ второклассноѣ, Гу-

селищскаго Миссіонерскаго округа, церковно - приходской школы; 3-го же ноября 1902 года удостоенъ сана діакона“.

Справка: 1) Въ приложенномъ къ прошенію удостовѣреніи священниковъ означенной церкви Александра Воскресенскаго и Николая Соколова значится, что— „Богослуженія въ Вознесенской церкви Сергіевскаго Посада совершаются отъ 5-ти до 8 часовъ утра. Поэтому въ слушаніи діакonomъ означенной церкви Димитріемъ Журенковымъ лекцій въ Московской Духовной Академіи не видится препятствіи къ исполненію имъ своей обязанности“. 2) § 115 устава духовныхъ академій.—3) Указъ Святѣйшаго Синода отъ 8 апрѣля 1902 года за № 2737.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи допустить діакона Вознесенской, Сергіевскаго Посада, церкви Димитрія Журенкова къ слушанію академическихъ лекцій, безъ предоставленія ему какихъ-либо правъ въ отношеніи къ соисканію академическихъ степеней и званій.

XX. Представленный экстраординарнымъ профессоромъ Академіи по кафедрѣ исторіи философіи Павломъ *Тихомировымъ* отчетъ о его занятіяхъ за границу въ теченіе 1903—1904 учебнаго года:

„1903—4 учебный годъ былъ проведенъ мною въ заграничной командировкѣ въ Германіи. Цѣли и задачи своей заграничной поѣздки я подробно изложилъ въ прошеніи, поданномъ въ засѣданіе Совѣта Академіи 21 апрѣля 1903 года. Для достиженія этихъ цѣлей я провелъ зимній семестръ 1903—4 года въ Берлинѣ, а лѣтній 1904 года въ Галле на Заале.

Въ Берлинѣ я еще до начала семестра, т.-е. въ теченіе сентября мѣсяца по нашему счету, получилъ разрѣшеніе брать книги и заниматься въ бібліотекахъ Королевской и Университетской. Тогда же я началъ изслѣдованіе „Объ экзистенціальныхъ сужденіяхъ“, которымъ потомъ и занимался въ теченіе всего времени, проведеннаго за границей, и занимаюсь доселѣ на основаніи собранныхъ въ Берлинѣ и Галле матеріаловъ. Изслѣдованіе это представляется мнѣ имѣющимъ весьма важное значеніе какъ для философіи, такъ и для соприкосновенныхъ съ нею богословскихъ наукъ.

Еще въ древнѣйшей греческой философіи было провозглашено главной философской проблемой познаніе истинно-сущаго. Древность наивно вѣрила въ способность человѣческаго ума разрѣшить эту проблему и была весьма богата попытками такого рѣшенія. Мыслители средних вѣковъ тоже въ значительной мѣрѣ раздѣляли эту увѣренность древнихъ. Въ новой философіи, когда критика познанія,—опредѣленіе его границъ и истинныхъ условій,—все больше и больше стала привлекать къ себѣ вниманіе мыслителей, сдѣлалось довольно обычнымъ скептическое отношеніе къ силамъ ума человѣческаго проникнуть въ таинственную область истинно-сущаго, или, какъ теперь говорятъ, трансцендентной дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, никакъ нельзя сказать, чтобы современная философская мысль окончательно забыла свою послѣднюю цѣль. Такое забвеніе сдѣлало бы бессмысленными и тѣ работы по методологіи и критикѣ познанія, какимъ столь охотно посвящаютъ свои силы современные философы, потому что работы эти—все-таки только подготовительныя. Даже правильная постановка гносеологическихъ вопросовъ стала бы невозможна при полномъ забвеніи метафизическихъ задачъ. И мы на примѣрахъ наиболѣе выдающихся мыслителей критическаго направленія, всецѣло занятыхъ разработкой гносеологическихъ вопросовъ, видимъ, что они никогда не забываютъ выяснить, по крайней мѣрѣ, смыслъ главнѣйшихъ проблемъ метафизики и ихъ отношеніе къ современному состоянію теоріи познанія. Основная и самая общая задача метафизики,—познаніе истинно-сущаго,—менѣе всего, конечно, можетъ быть забыта при современномъ увлеченіи гносеологическими изслѣдованіями, потому что цѣль послѣднихъ есть именно опредѣленіе границъ и условій достовѣрности знанія. Но гносеологическое изслѣдованіе этой задачи разложило ее на такое множество отдѣльныхъ задачъ и вопросовъ, требующихъ спеціальнаго изученія и разсмотрѣнія со стороны разныхъ наукъ,—начиная съ психологіи и фізіологіи, продолжая разными естественными науками съ математикой и оканчивая даже этикой и эстетикой,—что окончательный синтезъ всѣхъ частныхъ результатовъ этого сложнаго изслѣдованія, разумѣется, суждено увидѣть уже не нашему поколѣнію. На долю же современныхъ философовъ,—если

мы хотимъ стоять въ курсѣ дѣйствительно научныхъ работъ, а не пускаться въ преждевременную и, по необходимости, беспочвенную спекуляцію,—остается лишь изслѣдованіе отдѣльныхъ и небольшихъ сторонъ этой великой проблемы, рѣшеніе частныхъ вопросовъ, имѣющихъ къ ней отношеніе, на почвѣ разныхъ специальныхъ наукъ. Однимъ изъ такихъ частныхъ, но въ то же время весьма существенныхъ вопросовъ и является взятый мною вопросъ объ экзистенціальныхъ сужденіяхъ, т.е. сужденіяхъ, утверждающихъ существованіе (existentia) познаваемого предмета. Сужденіе есть основная форма, въ какой осуществляется всякое познаніе. Въ этой формѣ должно осуществляться и философское познаніе истинно-сущаго. Самымъ элементарнымъ видомъ такого познанія является простое утвержденіе существованія. Такимъ образомъ, взятый мною вопросъ оказывается первою и совершенно неизбѣжною ступенью ко всякой критической (въ отличіе отъ некритичной или догматической) метафизики. Но онъ не менѣе важенъ и для близкихъ къ философіи богословскихъ дисциплинъ, каковы—ученія о существованіи и самостоятельности духовнаго начала въ человѣкѣ, о бытіи Божіемъ, безсмертіи души и т. п.

Самый вопросъ объ экзистенціальныхъ сужденіяхъ имѣетъ нѣсколько разныхъ сторонъ. Не трудно видѣть, что какъ сужденія, со стороны своей формы, они должны составлять предметъ логическаго изслѣдованія; но выясненіе реальнаго смысла содержащагося въ нихъ утвержденія, очевидно, уже не можетъ входить въ задачу логики, а принадлежитъ, въ послѣдней инстанціи, метафизикѣ; а такъ какъ въ настоящее время метафизика еще очень далека отъ возможности давать твердые, научно обоснованные выводы, то метафизическое истолкованіе смысла экзистенціальныхъ сужденій всегда болѣе или менѣе спорно и гипотетично. Естественной и совершенно законной научной замѣной его для настоящаго времени являются объясненія психологическое и гносеологическое. Такимъ образомъ полный составъ моего изслѣдованія опредѣляется 4 главами: 1, о логическомъ характерѣ экзистенціальныхъ сужденій; 2, объ ихъ психологической природѣ; 3, гносеологическихъ условіяхъ и 4, метафизическомъ значеніи. Въ качествѣ 5-ой или вводной главы я счелъ нужнымъ предпослать имъ историческій обзоръ философскихъ

ученій объ этихъ предметахъ. Изъ этихъ главъ одна (о логич. хар.) была написана мною уже сравнительно давно и нѣсколько лѣтъ тому назадъ напечатана въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“, теперь она нуждается только въ нѣкоторыхъ дополненіяхъ и новыхъ литературныхъ справкахъ. Двѣ (историческая и о псих. природѣ) обработаны въ теченіе прошлаго учебнаго года, проведеннаго въ командировкѣ; возможно, что въ скоромъ времени я ихъ напечатаю. Двѣ же остальные составляютъ предметъ моихъ занятій въ настоящее время.

Считаю долгомъ сказать, что нигдѣ съ такимъ удобствомъ и успѣхомъ я не могъ бы заниматься избраннымъ вопросомъ, какъ именно въ умственныхъ центрахъ Германіи. Берлинскія и Галльскія бібліотеки дали мнѣ столько цѣннаго матеріала, сколько я отнюдь не могъ бы найти въ отечественныхъ книгохранилищахъ.

Съ началомъ учебныхъ занятій въ Берлинскомъ университетѣ (официально съ 16 октября новаго стилиа, а фактически дней на 10—12 поздне) я сталъ регулярно посѣщать университетъ, присутствуя тамъ на лекціяхъ и семинаріяхъ по философіи. Задачей своей я ставилъ ближайшее и возможно полное ознакомленіе съ постановкой философскаго преподаванія, какъ лекціоннаго, такъ въ особенности пракческаго (въ такъ называемыхъ *Uebungen* и *Privatissima*).

Для этого я записался на слѣдующіе курсы:

- 1, проф. Дессуара—по логикѣ;
- 2, проф. Лассона—по исторіи новой философіи;
- 3, его же—по логикѣ;
- 4, прив.-доц. Тиле—по исторіи философіи;
- 5, проф. Штумпфа—по психологіи;
- 6, прив.-доц. Шумана—по теоріи познанія;
- 7, прив.-доц. Деринга—по общей исторіи философіи;
- 8, проф. Зиммеля—по философіи 19 столѣтія;
- 9, прив.-доц. Менцера—жизнь и ученіе Канта;
- 10, проф. Рунце—по исторіи религіозной философіи, начинающая съ Канта.

Практическія занятія я посѣщаль у слѣдующихъ профессоровъ:

- 1, у Паульсена—чтеніе и обсужденіе сочиненія Шопенгауэра „Міръ, какъ воля и представленіе“.

2, у Дессуара—чтеніе и обсужденіе избранныхъ отрывковъ изъ сочиненій философовъ древняго и новаго времени;

3, у Тиле—чтеніе и комментарий „Критики чистаго разума“ Канта.

4, у Лемана—собесѣдованіе по вопросамъ введенія въ философію.

Изъ нихъ въ скоромъ времени (приблизительно черезъ мѣсяць),—за совершенной бесполезностью и отсутствіемъ чего-либо поучительнаго для себя,—я пересталъ ходить на лекціи Лассона, Тиле и Деринга и на практическія занятія Тиле. Остальныхъ же посѣщаль до конца семестра. Особенно понравились мнѣ чтенія Зиммеля и семинаріи Паульсена и Дессуара. Въ общемъ надо сказать, что философскія лекціи въ Берлинѣ носятъ довольно элементарный характеръ. Исключеніемъ являются изъ слышанныхъ мною чтенія Зиммеля и Менцера. Такая элементарность, повидимому, обусловливается уровнемъ подготовленности средняго нѣмецкаго слушателя, которому лекціи нужны для экзамена. Зато на практическихъ занятіяхъ, гдѣ отъ студентовъ требуется уже нѣкоторая самодѣятельность, можно наблюдать гораздо большую серьезность и научность. Эти наблюденія наводили меня на мысль, что если студентъ гдѣ либо и можетъ въ собственномъ смыслѣ чему-либо научиться и что либо хорошее усвоить, то скорѣе всего именно на семинаріяхъ, во всякомъ случаѣ, болѣе и лучше, чѣмъ на лекціяхъ. Но въ то же время мнѣ казалось, что всетаки было бы поспѣшно на этомъ основаніи произносить окончательный приговоръ о лекціонномъ способѣ преподаванія, имѣющемъ за собою многовѣковую традицію, стяжавшемъ громкую славу своимъ лучшимъ представителямъ и подарившемъ многія поколѣнія студентовъ всѣхъ странъ и вѣковъ наиболее свѣтлыми и вдохновляющими воспоминаніями, извѣстнымъ научнымъ міросозерцаніемъ и настроеніемъ, которое потомъ въ жизни становилось иногда могучей движущей силой; а это едва ли не цѣннѣе, въ сущности, тѣхъ отрывочныхъ, хотя бы и точныхъ научныхъ знаній, которыя приобрѣтаются на практическихъ занятіяхъ, а потомъ все равно забываются, часто такъ же безслѣдно, какъ и содержаніе лекцій... А многолюдность аудиторій—и между про-

чимъ также у профессоровъ, не имѣющихъ права экзаменовать (напр., у Зиммеля—нѣсколько сотъ платныхъ слушателей),—она, во всякомъ случаѣ, о чемъ-то свидѣтельствуетъ; очевидно еще есть большой запросъ на живое профессорское слово, не изсякла потребность въ немъ...

Свои Берлинскія впечатлѣнія и наблюденія я старался провѣрить въ Галле и отчасти въ Лейпцигѣ (Лейпцигъ лежитъ въ полчаса ѣзды отъ Галле, и я довольно часто въ теченіе лѣтняго семестра пользовался этой близостью для посѣщенія также и Лейпцигскаго университета; два раза ѣздилъ я туда и зимой изъ Берлина; въ общемъ наберется отъ 15 до 20 дней, проведенныхъ мною въ Лейпцигскомъ университетѣ).

Въ Галле я слушалъ лекціи:

- 1, проф. Рия—по исторіи философіи, курсъ II отъ Канта;
- 2, проф. Файгингера—по логикѣ;
- 3, проф. Уфуэса—по психологіи;
- 4, проф. Шварца—по исторіи философіи, курсъ I до Канта.

5, прив.-доц. Медикуса—о Фихте.

Въ практическихъ занятіяхъ участвовалъ:

- 1, у Рия—по объясненію Кантовыхъ „Прологомень ко всякой будущей метафизикѣ“.
- 2, у Бауха—по объясненію Юмова „Ислѣдованія о челоувѣческомъ разумѣніи“.

Въ Лейпцигѣ въ разное время прослушалъ по нѣсколько лекцій:

- 1, Вундта—по психологіи (зимой слышалъ его же и по исторіи философіи);
- 2, Гейнце—по введенію въ философію (зимой по исторіи нравственныхъ ученій);
- 3, Фолькельта—по исторіи нѣмецкой философіи (зимой по педагогикѣ);
- 4, Вирта—по логикѣ (зимой).

Практическія занятія посѣтилъ:

- 1, у Вирта—чтеніе Кантовыхъ „Прологомень“ и избранныхъ отрывковъ изъ „Критики чистаго разума“.
- 2, у Рихтера—обсужденіе основныхъ философскихъ вопросовъ въ связи съ чтеніемъ избранныхъ главъ изъ сочиненій Шопенгауэра.

Въ Галле и Лейпцигѣ лекціи, въ общемъ, не производили на меня впечатлѣнія такой элементарности, какъ въ Берлинѣ. По крайней мѣрѣ чтенія Рила, Медикуса, Вундта и Вирта—вполнѣ научны, такъ что не оставляютъ желать ничего лучшаго. Слушаніе доставляло мнѣ истинное удовольствіе и навсегда останется памятнымъ для меня то мастерство въ обработкѣ научнаго матеріала, какое я видѣлъ въ преподаваніи этихъ профессоровъ. Любопытно однако отмѣтить, что и въ этихъ университетахъ наиболѣе многолюдны лекціи профессоровъ, читающихъ элементарные курсы и диктующихъ для записки къ экзамену резюме своихъ чтеній (напр. Файгингера въ Галле и Гейнце въ Лейпцигѣ). Безспорное исключеніе составляетъ и безусловно внѣ конкуренціи стоитъ Вундтъ, всесвѣтная слава котораго заставляетъ и нѣмецкихъ студентовъ въ отношеніи къ нему отрѣшиться отъ экзаменаціонно-утилитарныхъ расчетовъ.

Практическія занятія въ Галле и Лейпцигѣ поставлены приблизительно такъ же, какъ и въ Берлинѣ. Обычная ихъ организація такова. Къ извѣстному дню участники должны прочесть избранный профессоромъ отрывокъ изъ того или иного философа и, по его же указаніямъ, что либо изъ относящейся сюда литературы. Въ назначенное время одинъ изъ участниковъ реферируетъ прочитанный отрывокъ и комментируетъ на основаніи указанныхъ пособій. Прочіе, въ случаѣ несогласія съ референтомъ, возражаютъ ему; чаще всего, впрочемъ, къ возраженіямъ приглашаетъ профессоръ. Послѣднему принадлежитъ рѣшеніе возникающихъ разногласій, равно какъ и вообще руководство разсужденіями.

Занятія эти, поскольку я съ ними познакомился, производили на меня впечатлѣніе большой и совершенно научной серьезности. Студенты здѣсь непосредственно вводятся въ технику научной работы, приучаются къ критикѣ—не поверхностной, а основанной на пониманіи и оцѣнкѣ положительныхъ достоинствъ. Для преподаваемаго мною предмета подобная организація представляется безусловно подходящей и желательной. Изученіе исторіи философіи безъ чтенія сочиненій изучаемыхъ мыслителей болѣе, чѣмъ на половину, теряетъ въ своей цѣнности. Чтеніе же это, безъ указанія и руководства профессора, безъ обсужденія прочитаннаго, не можетъ служить тѣмъ развивающимъ подспорьемъ къ пре-

подаванію, какимъ должно быть по идеѣ. Сознаніе пользы этого дѣла и наблюденіе тѣхъ завидныхъ результатовъ, какіе оно даетъ у нѣмецкихъ профессоровъ, преисполнило меня желаніемъ и рѣшительностью завести и при своей каѳедрѣ въ Академіи такое же чтеніе и обсужденіе философскихъ отрывковъ. Съ разрѣшенія Преосвященнаго Ректора это и сдѣлано мною въ настоящемъ учебномъ году—пока для желающихъ только студентовъ II курса, а впослѣдствіи, по указаніямъ опыта, можно будетъ это дѣло и расширить какъ по количеству читаемаго матеріала, такъ и по составу участниковъ.

Въ числѣ цѣлей своей командировки я ставилъ и ближайшее ознакомленіе съ современнымъ состояніемъ нѣмецкой философіи. Въ этихъ видахъ я занимался изученіемъ системъ Эдуарда Гартмана, Вильгельма Вундта и Фридриха Ницше, какъ крупнѣйшихъ индивидуальныхъ міровоззрѣній, претендующихъ на торжество надъ современными философствующими умами, и философскихъ направленій, извѣстныхъ подъ именами новокантіанства, имманентной философіи, позитивизма и эмпириокритицизма, подъ флагомъ которыхъ работаютъ теперь много ученыхъ и философскихъ силъ, въ надеждѣ придать вполне научный характеръ основной философской дисциплинѣ, теории познанія (гносеологии). Результаты этого изученія я надѣюсь въ сравнительно непродолжительномъ времени опубликовать въ печати“.

Средѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XXI. Докладъ секретаря Совѣта Николая Всѣхсвятскаго:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта имѣются слѣдующія преміи для окончившихъ въ минувшемъ учебномъ году курсъ воспитанниковъ Академіи: а) протоіерея А. П. Невоструева въ 158 рублей за лучшія кандидатскія сочиненія; б) протоіерея А. М. Иванцова-Платонова въ 160 рублей—за лучшія кандидатскія сочиненія по церковной исторіи; в) Высокопреосвященнаго Димитрія, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, въ 76 рублей (съ 1902—1903 гг.) за лучшія кандидатскія сочиненія, посвященныя преимущественно описанію жизни и дѣятельности въ Бозѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви; г) Митрополита Московскаго Макарія двѣ преміи, по 97 р. каждая,—за лучшія семестровыя сочи-

ненія студентовъ Академіи, написанныя ими въ теченіи первыхъ трехъ курсовъ, и д) протоіерея І. Орлова въ 32 р.—за лучшіе успѣхи въ сочиненіи проповѣдей.

Справка: 1) Премія протоіерея А. П. Невоструева, согласно пункту I правилъ относительно употребленія % съ пожертвованнаго имъ капитала, „присуждается зато изъ кандидатскихъ сочиненій, которое въ этомъ году будетъ признано Совѣтомъ за лучшее“. 2) Положенія о стипендіи и преміи имени протоіерея А. М. Иванцова-Платонова п. 10: „Остатки отъ процентовъ со своего стипендіальнаго капитала (сверхъ 220 рублей) выдаются въ одно изъ засѣданій сентябрьской трети за одно изъ лучшихъ кандидатскихъ сочиненій по предмету церковной исторіи, по постановленію Совѣта Академіи“. 3) Положенія о преміи Высокопреосвященнаго Дмитрія, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, § 2; „Премія выдается черезъ два года, по усмотрѣнію Совѣта Академіи, одному изъ студентовъ за лучшее кандидатское сочиненіе преимущественно по описанію жизни и дѣятельности въ Божѣ почившихъ іерарховъ отечественной церкви“. 4) Правиль о присужденіи премій изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго Митрополитомъ Московскимъ Макаріемъ, утвержденныхъ указомъ Святѣйшаго Синода отъ 21 января 1885 года за № 251, а) п. 7-й (въ новой редакціи, утвержденной указомъ Святѣйшаго Синода отъ 12 іюня 1898 года за № 2946: „Третья и четвертая преміи назначаются по окончаніи студентами академическаго курса въ одно изъ засѣданій сентябрьской трети тѣмъ изъ нихъ, которыми поданы были всѣ семестровыя сочиненія, назначенныя имъ въ теченіе первыхъ трехъ курсовъ, и изъ нихъ болѣе половины означено балломъ 5 и нѣтъ ни одного, имѣющаго баллъ ниже 4.“ б) п. 8: Въ случаѣ, если окажется болѣе двухъ студентовъ одного курса, которыхъ сочиненія удовлетворяютъ изложеннымъ въ предыдущемъ § условіямъ, преимущество отдается тѣмъ, у кого сумма балловъ на сочиненіяхъ больше; въ случаѣ же равенства преимущество отдается за сочиненія позднѣйшихъ курсовъ, предпочтительно предъ предшествующими“. 5) Изъ окончившихъ въ минувшемъ учебномъ году курсъ воспитанниковъ Академіи: а) лучшія семестровыя сочиненія за первые три курса представили: *Анатолій Орловъ* (5, 5, 5—; 5, 5, 5+; 5—, 5, 5), *Михаиль Одицковъ* (5—, 4+, 5—; 4½, 5—,

5+; 5, 5—, 5) и Николаѣй *Богородскій* (5—, 5, 4^{1/2}; 5—, 5+, 4^{1/2}; 4^{1/2}, 4^{1/2}, 5), а б) высшія отгѣтки на проповѣдяхъ имѣють: Владиміръ *Цвѣтковъ* (5, 5—, 4^{1/2}, 5—), Анатолій *Орловъ* (5, 4, 5—, 5), іеромонахъ *Серафимъ* (Остроумовъ) 4—, 4^{1/2}, 4^{1/2}, 5) и Алексѣй *Шараповъ* (5—, 4—, 5—, 4^{1/2}).

Опредѣлили: 1) Премію протоіерея А. И. Невоструева въ 158 рублей назначить кандидату Академіи выпуска 1904 года Борису *Гречеву* за кандидатское сочиненіе на тему: „Преп. Ниль Сорскій и значеніе его устава скитскаго житія въ исторіи русскаго монашества“; б) премію протоіерея А. М. Иванцова-Платонова въ 160 рублей—кандидату того же выпуска Анатолю *Орлову* за сочиненіе на тему: „Ученіе Иларія Пиктавійскаго о Троицѣ“; в) премію Высокопреосвященнаго Дмитрія, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, въ 76 рублей—кандидату того же выпуска Алексѣю *Соколову* за сочиненіе на тему: „Епископъ Теофанъ-Затворникъ, какъ проповѣдникъ“; г) двѣ преміи Митрополита Московскаго Макарія, по 97 рублей каждая,—кандидатамъ Анатолю *Орлову* и Михаилу *Одичову* и д) премію протоіерея І. Орлова въ 32 рубля—кандидату того же выпуска Владиміру *Цвѣткову*.—2) Постановленіе сіе представить на Архiepастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1904 г. Декаб. 10. По ст. VII. Согласенъ ходатайствовать. Прочее утверждается“.

Того же 18 ноября 1904 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Іосифъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевскаго, Н. Заозерскаго, С. Глаголева, А. Голубцова, А. Введенскаго, А. Спасскаго, В. Мышцына и И. Андреева.

Слушали: І. Отзвыы о сочиненіи *священника* Московской Сергіевской, въ Рогожской слободѣ, церкви, кандидата богословія, *Іоанна Орфанитскаго* подъ заглавіемъ: „Историческое изложеніе догмата объ искупительной жертвѣ Господа нашего Іисуса Христа“, представленномъ (въ печатномъ видѣ) на соисканіе степени магистра богословія:

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ догматическаго богословія Александра *Бъляева*:

„Сообщивши въ краткомъ вступленіи предварительныя свѣдѣнія о значеніи, задачѣ, объемѣ и источникахъ своего сочиненія, о. Орфанитскій въ книгѣ своей излагаетъ всю исторію догмата объ искупительной жертвѣ Христовой, начиная съ конца перваго вѣка по Рождествѣ Христовѣ и кончая нашимъ временемъ. Первая глава (1—51 стр.) обнимаетъ періодъ до Перваго вселенскаго собора. Въ ней изложено ученіе объ искупленіи еретиковъ—евіонеевъ и гностиковъ—и слѣдующихъ церковныхъ писателей: апостола Варнавы, Климента Римскаго, Ерма, Игнатія Богоносца, Поликарпа Смирнскаго, автора посланія къ Диогнету, Іустина Мученика, Иринея, Тертуллиана, Кипріяна Карфагенскаго, Климента Александрійскаго, Оригена и Меводія Патарскаго.

Вторая глава содержитъ исторію догмата объ искупительной жертвѣ Христовой въ періодъ вселенскихъ соборовъ и раздѣляется на двѣ неравныхъ части: въ первой, бѣльшей, половинѣ изложена исторія догмата въ Восточной Церкви (51—127 стр.) и здѣсь раскрыто ученіе объ этомъ догматѣ Григорія Нисскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Аванасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Ефрема Сирина, Елифанія Кипрскаго, Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго, Блаженнаго Феодорита и Іоанна Дамаскина, а вторая половина главы посвящена исторіи догмата въ Западной Церкви и здѣсь изложено ученіе о немъ Иларія Пиктавійскаго, Амвросія Медиоланскаго, Іеронима, Августина, Льва Великаго и Григорія Великаго (127—145 стр.).

Въ третьей, краткой, главѣ дана общая оцѣнка ученія объ искупленіи отцевъ и учителей Церкви за оба разсмотрѣнные періода ея жизни (146—154 стр.).

Четвертая глава представляетъ „Краткій очеркъ исторіи догмата искупленія въ средніе вѣка и въ новое время“. Здѣсь сначала изложено ученіе объ искупленіи средневѣковыхъ богослововъ Запада—Анзельма Кентерберійскаго, Абельяра и его школы, Бернарда Клервосскаго, Петра Ломбарда, Александра Галеса, Бонавентуры, Фомы Аквината и Дунса Скота (155—177).

Затѣмъ изъ періода новаго времени изложено ученіе объ искупленіи церковно-лютеранское, какъ оно выражено у

Лютера, Меланхтона, въ Аугсбургскомъ Исповѣданіи и въ Формулѣ Согласія, и протестантское—нецерковное у социніанъ и арминіанъ; а за послѣднюю эпоху новаго времени разсмотрѣно ученіе объ искупленіи двухъ философовъ—Канта и Гегеля, и двухъ богослововъ—Де-Ветте и Шлейермахера (177—189 стр.).

Пятая глава даетъ „Краткій очеркъ исторіи догмата объ искупительной жертвѣ Христовой въ Восточной и Русской церкви въ средніе вѣка и въ новое время“. Здѣсь разсмотрѣно ученіе объ искупленіи Николая Меѳонскаго, Православнаго Исповѣданія Петра Могилы, Посланія восточныхъ патріарховъ, Теофана Прокоповича, митрополитовъ Платона, Филарета и Макарія, Филарета, архіепископа Черниговскаго, и епископа Сильвестра (190—210). Въ краткомъ заключеніи подведены итоги всего изслѣдованія исторіи догмата объ искупленіи.

Сочиненіе о. Орфанитскаго въ русской богословской литературѣ есть первый опытъ полной, хотя и не безъ пробѣловъ въ частностяхъ, исторіи догмата объ искупительной жертвѣ Христовой. Въ этомъ его главное достоинство. Правда, въ курсѣ догматическаго богословія епископа Сильвестра сдѣланъ очеркъ исторіи догмата объ искупленіи, но не полный и не во всѣхъ частяхъ своихъ обстоятельныи. Ученіе объ искупленіи средневѣковыхъ схоластиковъ и богослововъ новаго времени въ русской литературѣ почти совсѣмъ не было раскрываемо.

Другое важное и не часто встрѣчающееся достоинство книги о. Орфанитскаго есть самостоятельность, проявившаяся въ значительной степени какъ въ обработкѣ матеріала, такъ и во взглядахъ автора.

Къ достоинствамъ книги нужно отнести и то, что авторъ не излагаетъ только воззрѣнія богослововъ, но разъясняетъ ихъ, обсуждаетъ, оцѣниваетъ. Въ своихъ оцѣнкахъ онъ проявляетъ сдержанность, тактъ, здравомысліе. И прежде всего нельзя не признать правильнымъ его взгляда на задачи изслѣдованія взятаго имъ предмета. „При составленіи своего труда, говоритъ о. Орфанитскій во вступленіи, мы имѣли своей задачей представить въ ясномъ и обстоятельномъ изложеніи исторію раскрытія догмата объ искупленіи въ послѣдовательномъ рядѣ *цѣлостныхъ* воззрѣній на него, какъ

у отцевъ и учителей древней Церкви, такъ и у средневѣковыхъ и новыхъ христіанскихъ богослововъ...; уловить особенность или преобладающую характеристическую черту въ раскрытіи догмата у того или другого отца Церкви, составляющую, такъ сказать, фізіогномію его воззрѣнія, и подѣ точкой зрѣнія этой особенности, этой преобладающей черты уяснить и изложить все его воззрѣніе въ подробности и совокупности...; понять все святоотеческое о предметѣ нашего изслѣдованія ученіе древняго періода, кончая Іоанномъ Дамаскинскимъ, какъ проникнутое и объединенное однимъ духомъ воззрѣніе...; разсматривать отдѣльныя святоотеческія воззрѣнія на него только какъ разныя стороны одного и того же цѣлостнаго воззрѣнія на искупительную жертву Христову...; а при изложеніи средневѣковаго и новаго періода исторіи догмата объ искупленіи отмѣтить черты, отличающія западное пониманіе догмата отъ восточнаго и хотя въ самыхъ общихъ чертахъ намѣтить предносящійся нашему сознанію истинный образъ пониманія догмата объ искупительной жертвѣ Христовой по духу Православной восточной Церкви“.

Эти задачи въ книгѣ по возможности выполнены, хотя и не всѣ съ желательнымъ совершенствомъ. Такъ, онъ поставилъ задачей воззрѣніе на искупленіе каждаго отца и учителя Церкви изложить *въ подробности*; но на самомъ дѣлѣ онъ излагаетъ ученіе отцевъ и учителей Церкви объ искупленіи въ общихъ чертахъ, кратко, не вдаваясь въ подробности, и даже важныя понятія, входящія въ ученіе объ искупленіи, понятія о правдѣ, о возмездіи, о выкупѣ, о наказаніи, о долгѣ, о жертвѣ, о Христѣ, какъ агнцѣ, раскрываетъ менѣе подробно, чѣмъ какъ можно было раскрыть ихъ на основаніи святоотеческаго ученія. Въ частности нельзя не пожалѣть о томъ, что изъ богослужебныхъ книгъ онъ во всей книгѣ привелъ только одну стихирѣ изъ службы въ великую субботу. Вѣдь въ службахъ воскресныхъ и въ службахъ страстной и пасхальной седмицы есть очень много стиховъ, въ которыхъ сильными чертами изображены крестная жертва Христа и въ особенности плоды ея въ дѣлѣ нашего спасенія. Допустимъ даже, что молитвословія и пѣнопѣнія не прибавили бы ничего существенно важнаго и новаго къ матеріалу, заимствованному о. Орфанитскимъ

изъ ученыхъ сочиненій отцевъ и учителей Церкви, всетаки многія мѣста изъ богослужебныхъ книгъ, не только не были бы излишни въ его книгѣ, но и послужили бы для нея украшеніемъ. Есть пробѣлы и во второй половинѣ книги,— въ исторіи догмата искупленія въ средніе вѣка и въ новое время. Правда, онъ назвалъ ее „краткимъ очеркомъ исторіи“, а это показываетъ, что онъ и не считаетъ нужнымъ входить при изложеніи ея въ подробности. Но въ иныхъ случаяхъ его очеркъ уже слишкомъ кратокъ. Такъ, ученіе Римской церкви объ искупленіи изложено на 177 стр. всего въ пяти строкахъ. Изложено ученіе объ искупленіи главъ лютеранскаго исповѣданія, а о Кальвинѣ и его ученіи объ искупленіи не сказано ни слова. Изъ многочисленныхъ протестантскихъ богослововъ почему-то изложено ученіе объ искупленіи только Де-Ветте и Шлейермахера. Изъ русскихъ богослововъ о Орфанитскій даже не упомянулъ ни о Стефанѣ Яворскомъ, ни о Димитріи Ростовскомъ. Изъ новѣйшихъ богослововъ онъ опустилъ изъ вида и Хомякова, и архимандрита (теперь епископа) Сергія, написавшаго книгу: „Православное ученіе о спасеніи“. Замѣтные пробѣлы въ исторіи догмата искупленія въ новое время свидѣтельствуютъ о недостаткѣ у автора всесторонняго знанія ея. Онъ изложилъ преимущественно то, что случайно было ему болѣе извѣстно.

Выше мы признали однимъ изъ достоинствъ оцѣнокъ, произнесенныхъ о Орфанитскимъ въ его книгѣ, сдержанность ихъ; но иногда эта сдержанность доходитъ до отказа отъ всякой критики и становится уже недостаткомъ. Такъ, на 210-й стр. онъ говоритъ, что епископъ Сильвестръ принимаетъ протестантское ученіе объ *obedientia activa*, т. е., признаетъ правильнымъ ученіе, приписывающее искупительное значеніе и самой жизни Иисуса Христа, а не одной только Его крестной смерти и страданіямъ, а архіепископъ Филаретъ, напротивъ, рѣзко осуждалъ это ученіе. Но самъ о Орфанитскій не потрудился здѣсь раскрыть обстоятельно читателямъ своей книги, кто же изъ этихъ двухъ русскихъ богослововъ правъ въ сужденіи объ этомъ предметѣ. Только уже въ заключеніи, на 220 и 221 стр., онъ отвергаетъ ученіе объ *obedientia activa*, но голословно.

Недостатокъ отчетливости, а можетъ быть небрежность

обнаружены въ раздѣленіи авторомъ книгъ, которыми онъ пользовался, на источники и пособія. Системы догматическаго богословія Макарія и Сильвестра причислены вмѣстѣ съ другими системами догматики къ источникамъ; но онѣ же, и только онѣ одни, упомянуты и въ числѣ пособій. Если догматики суть источники его труда, то не должно было нѣкоторыя изъ нихъ перечислять въ списокъ пособій. А если о. Орфанитскій считаетъ ихъ въ одномъ отношеніи источниками, а въ другомъ пособіями, то всѣ ихъ нужно было перечислить въ списокъ источниковъ и въ списокъ пособій.

Значительныя ученія достоинства въ книгѣ о. Орфанитскаго и полезность ея, какъ вклада въ небогатую русскую литературу по догматикѣ, вполне достаточны для того, чтобы авторъ ея былъ допущенъ до защиты ея на степень магистра богословія“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій *Василія Соколова*:

„Въ краткомъ вступленіи къ сочиненію о. Орфанитскій, послѣ общаго замѣчанія о важности историческаго изученія догматовъ, говоритъ о побужденіяхъ, задачѣ, источникахъ и научномъ значеніи своего труда. Самое изслѣдованіе своего предмета авторъ ведетъ въ хронологическомъ порядкѣ. Соответственно этому, первая глава сочиненія (стр. 1—51) излагаетъ исторію догмата объ искупительной жертвѣ Господа нашего Иисуса Христа въ первые три вѣка христіанства, при чемъ, послѣ краткаго очерка древнихъ еретическихъ ученій, борьба съ которыми въ особенности побуждала отцовъ и учителей церкви сосредоточивать свое преимущественное вниманіе на раскрытіи тѣхъ или другихъ сторонъ христіанскаго догматическаго ученія, авторъ дѣлаетъ замѣчанія объ общемъ характерѣ богословствованія мужей апостольскихъ по данному вопросу и затѣмъ переходитъ къ болѣе или менѣе подробному изложенію ученія объ искупительной жертвѣ Иисуса Христа у свв. ап. Варнавы, Климента Римскаго, Ерма, Игнатія Богоносца, Поликарпа Смирнскаго, автора посланія къ Діогнету, Іустина Мученика, Иринея, Тертулліана, Кипріана Карфагенскаго, Климента Александрійскаго, Оригена и Меѳодія Патарскаго.

Второй отдѣлъ сочиненія (стр. 51—145) имѣетъ своимъ

предметомъ исторію догмата объ искупленіи въ эпоху вселенскихъ соборовъ (съ IV по VIII вѣкъ). Онъ начинается замѣчаніями о тѣхъ побужденіяхъ, которыя вызвали въ эту эпоху особенное раскрытіе указаннаго догмата, и общей характеристикой ученія отцовъ и учителей этихъ вѣковъ съ указаніемъ ихъ отношенія къ воззрѣніямъ св. Иринея и Оригена, подъ ббльшимъ или меньшимъ вліяніемъ которыхъ они находились. Послѣ этихъ общихъ замѣчаній слѣдуетъ подробное изложеніе ученія объ искупительной жертвѣ Христовой у отцовъ и учителей: а) церкви восточной—свв. Григорія Нисскаго, Василія Великаго, Григорія Богослова, Аѳанасія Александрійскаго, Кирилла Іерусалимскаго, Ефрема Сирина, Епифанія Кипрскаго, Іоанна Златоуста, Кирилла Александрійскаго, блаж. Θεодорита, Іоанна Дамаскина; а затѣмъ б) церкви западной—Иларія Пиктавійскаго, Амвросія Медиоланскаго, блаж. Іеронима, бл. Августина, Льва Великаго и Григорія Великаго.

Третья глава сочиненія (стр. 146—154) носитъ заглавіе: „общій взглядъ на ученіе отцовъ и учителей древней церкви объ искупительной жертвѣ Христовой“, послѣ чего въ главахъ четвертой (стр. 155—190) и пятой (стр. 190—210) авторъ даетъ краткіе очерки исторіи догмата объ искупленіи на западѣ и въ восточной и русской церкви въ средніе вѣка и въ новое время. Въ частности здѣсь излагаются воззрѣнія: Ансельма Кентерберійскаго, Абельяра, Бернарда Клервоскаго, Петра Ломбарда, Александра Галеса, Бонавентуры, Томы Аквината, Дунса Скотта, Лютера, Меланхтона, Аугсбургскаго Исповѣданія, Формулы Согласія, Социніанъ, Арминіанъ Канта, Де-Ветте, Шлейермахера, Гегеля; а затѣмъ Николая Метонскаго, Православнаго Исповѣданія, Посланія восточныхъ патріарховъ, Теофана Прокоповича, митр. Платона, митр. Филарета, митр. Макарія, арх. Филарета и еп. Сильвестра.

Сочиненіе оканчивается „заключеніемъ“ (стр. 211—221), въ которомъ авторъ предлагаетъ выводы своего изслѣдованія, раздѣляя всѣ изложенные имъ взгляды на догматъ объ искупительной жертвѣ Христовой на двѣ категоріи: философскую и богословскую, при чемъ послѣдняя подраздѣляется на взгляды: односторонне-нравственный, субъективно-догматическій и объективно-догматическій. Послѣдній

изъ этихъ взглядовъ авторъ и признаетъ единственно правильнымъ и всегда содержавшимся церковію.

О. Орфанитскій нѣсколько сѣтуетъ на то, что въ нашей богословской наукѣ доселѣ слишкомъ мало давалось мѣста историческому изложенію догматовъ, имѣющему особенную важность для достиженія ихъ правильного пониманія. Въ своемъ сочиненіи онъ желаетъ предложить читателю „первый въ русскомъ богословіи опытъ спеціальнаго изслѣдованія исторіи догмата объ искупительной жертвѣ Христовой“ (стр. VI). Съ искреннимъ сочувствіемъ встрѣчая этотъ опытъ, мы, къ сожалѣнію, замѣчаемъ въ немъ нѣкоторый существенный недостатокъ въ самой постановкѣ предмета. Авторъ начинаетъ съ заявленія, что „догматъ объ искупленіи рода человѣческаго отъ грѣха, проклятія и смерти страданіями и крестною смертію Богочеловѣка, составляющій краеугольный камень и средоточіе всего христіанскаго вѣроученія, въ древней церкви не былъ столь постоянно, настойчиво и всесторонне извращаемъ еретиками, какъ параллельный ему догматъ о лицѣ І. Христа, и потому то отцы и учителя церкви не имѣли непосредственнаго, самую жизнь выдвигаемаго побужденія къ точному и всестороннему раскрытію догмата объ искупительномъ дѣлѣ Христа“.—„По этой же причинѣ“, продолжаетъ авторъ, „намъ не осталось каноническаго опредѣленія этого догмата ни отъ одного, не только изъ вселенскихъ, но и изъ помѣстныхъ соборовъ, и только въ Никео-цареградскомъ символѣ встрѣчаемъ краткое изреченіе: распятаго же за ны при Понтійстѣмъ Пилатѣ, и страдавша, и погребенна,—и только.“ Вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ изслѣдователь догмата объ искупительномъ дѣлѣ Христовомъ... „не найдетъ твердой точки опоры для сужденія о вѣхъ главныхъ и существенныхъ сторонахъ этого ученія въ Никео-цареградскомъ символѣ и въ догматическихъ канонахъ Вселенскихъ соборовъ“. На его долю остается лишь „внимательное изученіе мыслей объ искупленіи, разсѣянныхъ въ писаніяхъ отцовъ и учителей церкви“ (стр. 1).—Соотвѣтственно этому о. Орфанитскій и начинаетъ свое изслѣдованіе съ краткаго изложенія древнихъ ересей, касавшихся догмата объ искупленіи, и затѣмъ переходитъ къ изложенію отеческаго ученія объ этомъ предметѣ, начиная съ мужей Апостольскихъ.

Итакъ, по постановкѣ автора, исторія догмата объ искупленіи начинается съ мужей Апостольскихъ и съ древнихъ ересей, которыя побуждали ихъ къ изложенію и раскрытію этого догмата. Такую постановку мы не можемъ признать правильною. Разсматриваемый авторомъ догматъ есть, прежде всего, истина Богооткровенная, ясно и подробно изложенная въ Священномъ Писаніи, а между тѣмъ читатель, прочитавшій все изслѣдованіе о. Орфанитскаго, не получаетъ даже яснаго представленія о томъ, въ какихъ книгахъ Свящ. Писанія изложенъ этотъ догматъ и какія именно черты его даны тамъ съ полною ясностью и опредѣленностію. Онъ можетъ лишь самъ доискиваться и догадываться объ этомъ на основаніи цитатъ Свящ. Писанія, упоминаемыхъ при изложеніи отеческихъ воззрѣній. Исторія догмата объ искупленіи должна начинаться не съ мужей Апостольскихъ, а съ Свящ. Писанія, такъ какъ мужи Апостольскіе, какъ и всѣ послѣдующіе отцы и учителя церкви, лишь раскрывали и уясняли то, что дано въ Писаніи. Автору слѣдовало, прежде всего, изложить Богооткровенное ученіе объ искупленіи и затѣмъ, показавъ, какія стороны этого ученія вызывали потребность болѣе полного и яснаго раскрытія и какія подвергались искаженіямъ и перетолкованіямъ со стороны еретиковъ, переходить къ изложенію воззрѣній отеческихъ, которыя и служили раскрытіемъ и уясненіемъ даннаго въ Откровеніи. Съ особеннымъ сочувствіемъ относясь къ догматическому богословію Преосв. Сильвестра, авторъ хотѣлъ сравнительно съ нимъ сдѣлать шагъ впередъ въ изслѣдованіи воззрѣній отцовъ и учителей церкви; но въ указанномъ нами отношеніи онъ напрасно не взялъ себѣ Преосв. Сильвестра въ руководители, такъ какъ у него, какъ и въ другихъ догматикахъ, при изложеніи догматовъ, прежде всего, дается читателю ученіе Откровенное, а затѣмъ уже идетъ исторія раскрытія этого ученія въ твореніяхъ отеческихъ.

Во вступленіи авторъ заявляетъ, что „въ догматическомъ Богословіи митр. Макарія и въ отдѣльныхъ статьяхъ по сему предмету другихъ авторовъ, при изложеніи того или другого догмата, помѣщался между прочимъ отдѣлъ, подъ заглавіемъ „ученіе церкви“. Этотъ отдѣлъ заключалъ обыкновенно цѣлый рядъ выдержекъ изъ разныхъ святоотеческихъ твореній въ подтвержденіе извѣстнаго догмата, при чемъ отцы

и учителя церкви располагались въ хронологическомъ порядкѣ. Въ виду этого не безъ основанія можно полагать, что указанный отдѣлъ имѣетъ своимъ назначеніемъ представлять собою исторію догмата. Но излишне разъяснять, какъ мало имѣетъ права называться исторією догмата рядъ святоотеческихъ выдержекъ, хотя бы и расположенныхъ въ хронологическомъ порядкѣ“ (стр. I). Не признавая высокаго научнаго значенія за такую постановкою дѣла, авторъ увѣряетъ читателя, что самъ онъ „при выполненіи своей задачи старался уловить особенность или преобладающую характеристическую черту въ раскрытіи догмата у того или другого отца церкви, составляющую, такъ сказать, фізіогномію его воззрѣнія, и подъ точкой зрѣнія этой особенности, этой преобладающей черты уяснить и изложить все его воззрѣніе въ подробности и совокупности“. (Стр. III). Сопоставляя эти заявленія, читатель, конечно, ожидаетъ встрѣтить въ изслѣдованіи о Орфанитскаго отнюдь не простой рядъ выдержекъ изъ отеческихъ твореній, не простое изложеніе воззрѣній того или другого отца; а нѣчто гораздо болѣе интересное съ указаніемъ отличительной особенности или преобладающей характеристической черты въ воззрѣніяхъ того или другого отца, которая освѣщала бы и уясняла бы все его воззрѣніе въ подробности и совокупности. Къ сожалѣнію, иное дѣло желать, стараться и обѣщать и совсѣмъ другое дѣло исполнить свое желаніе и обѣщаніе. Въ очень многихъ случаяхъ авторъ, какъ бы забывая о своихъ обѣщаніяхъ, ограничивается только болѣе или менѣе систематическимъ, а иногда даже и отрывочнымъ, изложеніемъ отеческихъ воззрѣній на догматы объ искупленіи, не указывая въ этомъ изложеніи никакихъ отличительныхъ особенностей или преобладающихъ характеристическихъ чертъ. Не говоря о писателяхъ второстепенныхъ, такая постановка дѣла имѣетъ мѣсто у автора даже и относительно нѣкоторыхъ крупныхъ по его вопросу величинъ, какъ напр. Св. Приней Ліонскій. Авторъ заявляетъ, что ученіе этого отца церкви объ искупленіи „вообще весьма замѣчательно“; говоритъ объ „основномъ характерѣ“ и о „духѣ“ воззрѣній Св. Принея (стр. 16, 23, 25); но совсѣмъ не думаетъ выяснить читателю, чѣмъ именно это ученіе замѣчательно и въ чемъ состоитъ его основной характеръ и духъ. Читатель

получаетъ лишь подробное и по возможности приведенное въ систему изложеніе возрѣній Св. Иринея и только. То же можно сказать и объ его изложеніи ученія объ искупительной жертвѣ Христовой Св. Игнатія Богоносца, Тертуллиана и др.

Свое изслѣдованіе авторъ ведетъ въ хронологическомъ порядкѣ и съ этой стороны планъ его, конечно, не возбуждаетъ никакихъ возраженій, такъ какъ за первыми вѣками христіанства у него слѣдуетъ эпоха вселенскихъ соборовъ, а затѣмъ средніе вѣка и новое время; но въ осуществленіи и этого плана можно встрѣтить нѣкоторую несообразность. Справедливо сосредоточивъ свое преимущественное вниманіе на изслѣдованіи святоотеческихъ твореній и удѣливъ этому изслѣдованію почти три четверти своей книги, авторъ заключаетъ его особою главой, подъ заглавіемъ: „общій взглядъ на ученіе отцовъ и учителей древней церкви объ искупительной жертвѣ Христовой“. „Прошедши“, говоритъ здѣсь авторъ, „не краткій путь исторіи догмата объ искупительной жертвѣ Христовой въ древній періодъ христіанской церкви, естественно оглянуться назадъ и спросить себя: въ какомъ же смыслѣ окончательно опредѣлилась и уяснилась сущность этого догмата и главныя его стороны въ разсмотрѣнный нами періодъ времени“?—Отвѣту на этотъ вопросъ и должна была, конечно, быть посвящена настоящая глава; но авторъ натолкнулся на мнѣніе нѣкоторыхъ западныхъ богослововъ, особенно Ульмана, который утверждаетъ, что христіанская древность не выработала для ученія объ искупленіи никакого понятія, имѣющаго всеобщую значимость, а потому творцомъ догмата объ искупленіи долженъ быть признанъ собственно Ансельмъ, арх. Кентерберійскій. Встрѣтившись съ такимъ мнѣніемъ, авторъ, вмѣсто того, чтобы сосредоточить въ данномъ случаѣ все свое вниманіе на тщательномъ подведеніи итоговъ своего изслѣдованія за весь святоотеческій періодъ, что послужило бы и наилучшимъ отвѣтомъ Ульману, уклоняется въ разсужденія объ Ансельмѣ и въ разборъ его возрѣній, сопоставляя ихъ съ святоотеческими. Благодаря этому обстоятельству, своему „общему взгляду на ученіе отцовъ и учителей древней церкви“ авторъ удѣляетъ менѣе вниманія, чѣмъ бы слѣдовало, а съ другой стороны получается нѣкоторая несо-

образность въ томъ, что ведутся преждевременныя разсужденія о такомъ писателѣ, который относится къ среднимъ вѣкамъ и которому мѣсто въ слѣдующей главѣ изслѣдованія, посвященной исторіи догмата искупленія въ средніе вѣка. Заговоривъ преждевременно объ Анзельмѣ, авторъ поставилъ себя въ необходимость объ одномъ и томъ же предметѣ разсуждать въ двухъ мѣстахъ, такъ какъ и въ главѣ о среднихъ вѣкахъ онъ ведетъ опять рѣчь о томъ же Анзельмѣ.

По существу изслѣдуемаго предмета авторъ обнаруживаетъ и широкое съ нимъ знакомство и строго—православный образъ мыслей, хотя въ нѣкоторыхъ частныхъ пунктахъ его изслѣдованія не всегда можно съ нимъ согласиться. Разсуждая о Теофанѣ Прокоповичѣ напр., авторъ говоритъ: „Теофанъ совершенно согласно съ формулою Конкордіи протестантовъ принимаетъ ученіе объ *obedientia activa et passiva*“. Тѣмъ не менѣе далѣе авторъ продолжаетъ: „мы не считаемъ себя въ правѣ ставить Теофану въ вину принятіе имъ ученія объ *obedientia activa*; есть очень ясная точка зрѣнія на догматы, которая его совершенно оправдываетъ: и до сихъ поръ въ системахъ догматическаго богословія признается дѣленіе догматовъ на общіе съ инославными христіанскими исповѣданіями и особенные, и догматъ искупленія принадлежитъ къ числу тѣхъ догматовъ, которые согласно понимаются всѣми христіанскими исповѣданіями. Съ этой точки зрѣнія Теофанъ былъ бы правъ даже и въ томъ случаѣ, если бы онъ главу объ искупленіи изъ протестантской догматики прямо переписалъ въ систему православно-догматическаго богословія“ (стр. 197). Такое разсужденіе намъ представляется страннымъ. Самъ же авторъ, на стр. 182 и 183 своего изслѣдованія, занимается опроверженіемъ протестантскаго ученія объ активномъ и пассивномъ послушаніи, а въ заключеніи своей книги говоритъ, что „протестантское ученіе объ *obedientia activa* не было извѣстно древней церкви и несогласно съ духомъ ученія объ искупительной жертвѣ Христовой“ (стр. 220). Такимъ образомъ онъ признаетъ это ученіе неправильнымъ и неправославнымъ, и потому если Теофанъ Прокоповичъ усваиваетъ это ученіе, то несомнѣнно нужно признать, что онъ въ этомъ случаѣ уклоняется отъ истины. По мысли автора, совершенно оправдываетъ Теофана

то обстоятельство, что догматъ объ искупленіи принадлежить къ числу тѣхъ догматовъ, которые согласно понимаются всѣми христіанскими исповѣданіями, а потому онъ могъ бы прямо переписать въ свою систему главу объ искупленіи изъ протестантской догматики. Но кѣмъ же, какимъ авторитетомъ, догматъ объ искупленіи причисленъ къ числу тѣхъ, которые согласно понимаются всѣми христіанскими исповѣданіями? Такого причисленія нѣтъ и быть не можетъ, ибо мы знаемъ, что въ пониманіи этого догмата на западѣ господствуетъ юридическая теорія сатисфакціи, у римскихъ католиковъ имѣется своеобразное пониманіе преизбыточествующихъ заслугъ Искупителя, протестанты придаютъ искупительное значеніе такъ называемому дѣятельному послушанію, а кальвинисты признають за искупительной заслугой Христа Спасителя значеніе только для избранныхъ. Неужели послѣ всего этого можно утверждать, что догматъ объ искупленіи согласно понимается всѣми христіанскими исповѣданіями и потому можно-де всѣ эти католическія и протестантскія ученія внести въ православную догматику?!

Сосредоточивъ преимущественное вниманіе на изслѣдованіи исторіи догмата въ святоотеческой періодъ, авторъ за всѣ остальные вѣка даетъ читателю лишь краткіе очерки. Соглашаясь въ принципѣ съ такой постановкой дѣла, мы должны однако-же замѣтить, что сравнительная краткость въ изложеніи послѣднихъ очерковъ не можетъ оправдывать пробѣловъ, важныхъ по существу. Между тѣмъ въ изслѣдованіи о Орфанитскаго по исторіи догмата объ искупленіи за средніе вѣка и новое время можно замѣтить нѣсколько весьма существенныхъ опущеній. Особенно грустный видъ получаетъ по изложенію автора исторія догмата въ нашей русской церкви. Послѣ символическихъ книгъ и Теофана Прокоповича здѣсь мы находимъ лишь небольшія замѣтки о митр. Платонѣ, митр. Филаретѣ и о догматическихъ богословіяхъ митр. Макарія, арх. Филарета и еп. Сильвестра, при чемъ всѣ эти замѣтки умѣщаются на девяти страницахъ. Страннымъ представляется, почему авторъ не нашель нужнымъ остановить свое вниманіе напр., на Св. Димитріи Ростовскомъ (напр., его поученія на Воздвиженіе или слово на Страсти Господни), на Иринеѣ Фальковскомъ (его курсъ богословія, гдѣ большой отдѣлъ De incarnatione Filii Dei), на

Стефанъ Яворскомъ (его Камень вѣры, догматъ о знаменіи Честнаго Креста), на Св. Тихонѣ Воронежскомъ (въ его Сокровищѣ духовномъ статьи: плѣнники и свободитель ихъ, господинъ и рабъ его купленный и др.). Неужели всѣ они менѣ заслуживали вниманія, чѣмъ какойнибудь Петръ Ломбардь, или Александръ Галесъ, которымъ авторъ считаетъ нужнымъ удѣлить мѣсто въ своемъ изслѣдованіи. Мало того,—читатель можетъ подумать, что и въ новѣйшее время русская богословская наука по вопросу объ искупленіи не дала ничего, кромѣ того, что имѣется въ догматическихкихъ богословіяхъ м. Макарія, арх. Филарета и еп. Сильвестра. Такого ошибочнаго вывода онъ бы не сдѣлалъ, если бы авторъ нашелъ нужнымъ познакомить его напр. съ диссертацией своего рецензента, проф. А. Д. Бѣляева (Любовь Божественная), гдѣ есть глава, трактующая о любви Божественной, спасающей или возсозидающей человѣчество; а также съ диссертацией проф. прот. П. Я. Свѣтлова „Значеніе Креста въ дѣлѣ Христовомъ“, всецѣло посвященной догмату объ искупленіи. Тѣмъ менѣ извинительно для автора умолчаніе о книгѣ прот. Свѣтлова, что въ ней двѣ большихъ первыхъ главы (стр. 3—212) посвящены исторіи догмата объ искупленіи и въ святоотеческой періодъ (начиная съ автора посланія къ Діогнету и оканчивая Св. Іоанномъ Дамаскинымъ) и на католическо-протестантскомъ западѣ, при чемъ, излагая воззрѣнія новѣйшихъ западныхъ философовъ и богослововъ, о. Свѣтловъ знакомитъ читателя съ гораздо большимъ количествомъ мыслителей, чѣмъ о. Орфанитскій.

Въ изложеніи своемъ книга о. Орфанитскаго представляетъ ту особенность, что нерѣдко авторъ вноситъ на ея страницы цѣлыя десятки строкъ на латинскомъ и греческомъ языкѣ (см. стр. 24, 25, 26—28, 31—32, 35—37, 41—48, 111—112, 115, 132, 136, 138—140, 143—145, 165—168, 170—172). Никакими научными требованіями этотъ приѣмъ въ данномъ случаѣ не оправдывается, а равно нѣтъ возможности понять и того, почему въ нѣкоторыхъ случаяхъ авторъ считаетъ нужнымъ переводить приводимыя имъ латинскія выдержки въ подстрочныхъ примѣчаніяхъ, а въ другихъ мѣстахъ оставляетъ ихъ безъ перевода. Во всякомъ случаѣ такое внесеніе иностраннаго текста въ русскую книгу, на

нашъ взглядъ можетъ быть допускаемо лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ и по крайней необходимости, когда напр. дѣло касается текстуальнаго вопроса или разногласія въ переводѣ выдержки, или особенной характерности выраженія, трудно передаваемой на другомъ языкѣ и т. п. Наполнять же страницы иностранными выдержками безъ всякой надобности, конечно, отнюдь не слѣдуетъ. И тѣмъ менѣе умѣстенъ этотъ приемъ въ книгѣ о Орфанитскаго, что иностранный текстъ его выдержекъ изобилуетъ искаженіями и великимъ множествомъ опечатокъ. Если обиліемъ иностранныхъ выдержекъ авторъ хотѣлъ придать своей книгѣ нѣкоторый своего рода ученый шикъ, то несомнѣнно онъ сильно ошибся въ своихъ расчетахъ, такъ какъ множество искаженій текста и опечатокъ производитъ на читателя совершенно обратное впечатлѣніе.

Указанные недосмотры сочиненія о Орфанитскаго не отнимаютъ у него принадлежащихъ ему достоинствъ. Къ числу этихъ достоинствъ должно отнести:

а) тщательное изученіе авторомъ его матеріала, въ особенности святоотеческихъ твореній. Большинство этихъ твореній изучены авторомъ по подлинникамъ, а существующіе переводы ихъ свѣрены съ подлинниками, что составляло, конечно, не малый трудъ;

б) столь же тщательную обработку изученнаго матеріала и стройное его изложеніе, благодаря чему возрѣнія того или другого отца или учителя церкви, иногда разбросанныя по разнымъ произведеніямъ и даже въ отрывочныхъ сентенціяхъ, собраны и соединены авторомъ въ стройную систему, части которой логически вытекаютъ одна изъ другой, и такимъ образомъ представляются читателю въ видѣ стройнаго систематическаго цѣлага;

в) достаточно характерное изображеніе всей исторіи догмата съ яснымъ указаніемъ ея важнѣйшихъ моментовъ и ихъ отличительныхъ особенностей.

Въ виду этихъ достоинствъ сочиненія о Орфанитскаго нахожу возможнымъ признать его удовлетворительнымъ для присужденія автору ученой степени магистра богословія“.

Справка: 1) Священникъ Іоаннъ Орфанитскій окончилъ курсъ въ Московскои Духовнои Академіи въ 1879-мъ году

со степенью кандидата богословія и правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.— 2) По § 29 Положенія объ испытаніяхъ на ученыя степени: „Если диссертация будетъ признана удовлетворительною, то Совѣтъ допускаетъ кандидата къ публичному ея защищенію“. 3) По § 32 того же Положенія: „Ищущіе степени магистра богословія обязаны представить Ректору Академіи по крайней мѣрѣ за двѣ недѣли до защищенія 50 (нынѣ 60) экземпляровъ напечатанной диссертаци“.

Опредѣлили: 1) Допустить священника Московской Сергіевской, въ Рогожской слободѣ, церкви о. Іоанна Орфанитскаго къ защищенію его диссертаци на степень магистра богословія.— 2) Оффиціальными оппонентами при защитѣ диссертаци назначить заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Академіи *Василія Соколова* и *Александра Бѣляева*.— 3) Предоставить Пресвященному Ректору Академіи, по представленіи магистрантомъ узаконеннаго числа экземпляровъ (60) диссертаци, войти съ нимъ въ соглашеніе относительно дня коллоквиума и пригласить къ участию въ послѣднемъ постороннихъ лицъ.— 4) Постановленія сіи представить на Архiepастырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

II. Отзывы о сочиненіи преподавателя Виѣанской Духовной Семинаріи, кандидата богословія, *Алексѣя Малинина* подъ заглавіемъ: „Безсмертіе души. Часть первая. Историко-критическій обзоръ философскихъ ученій о безсмертіи души“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія:

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ метафизики и логики *Алексѣя Введенскаго*:

„Вопреки установившемуся обычаю, начинаю свой отзывъ о диссертаци г. Малинина заявленіемъ, что *по моему мнѣнію, авторъ можетъ быть удостоенъ искомой имъ степени магистра богословія*: онъ достаточно потрудился и написалъ сочиненіе, которое, во всякомъ случаѣ, будетъ полезно для того, кто захочетъ серьезно ознакомиться съ вопросомъ исторически. Предпосылая это заключеніе самому отзыву, желаю этимъ заранѣе показать, что мои нижеслѣдующія замѣчанія, къ которымъ теперь перехожу, имѣютъ назначеніе лишь *ограничительное*, которое бы при томъ расположило

автора сочиненія, при его напечатаніи, къ измѣненіямъ и поправкамъ.

Если не считать сравнительно краткаго (37 стр.) Введенія, въ которомъ авторъ намѣчаетъ свои положительные взгляды, то его диссертация есть не что иное, какъ монографическая обработка исторіи вопроса о безсмертіи души, съ попутными,—весьма не обильными, впрочемъ,—критическими замѣчаніями на излагаемый теоріи.

Исторія философскихъ ученій можетъ преслѣдовать двоякую задачу: или 1) полноту и точность историческихъ справокъ или 2) предметно-систематическую оріентировку читателя въ теоріяхъ, путемъ которыхъ авторъ хочетъ ввести его въ пониманіе своего собственнаго отношенія къ предмету.

Диссертация г. Малинина, къ сожалѣнію, не подходитъ ни подъ тотъ, ни подъ другой типъ, или, точнѣе, не удовлетворяетъ, въ желательной мѣрѣ, ни тѣмъ ни другимъ требованіямъ, въ то же время не являясь и трудомъ какого-либо иного типа.

Чтобы быть полнымъ и точнымъ справочникомъ по исторіи вопроса о безсмертіи,—для этого работѣ г. Малинина не достаеь очень и очень многого. Достаточно указать на то, что, начавши Платономъ и значить миновавъ всю религіозную древность, съ ея замысловатыми варіаціями вопроса о безсмертіи (одно душепереселеніе чего стоить!), авторъ минуеь также—совершенно и принципиально (исключеніе сдѣлано лишь для бл. Августина)—и христіанско-патристическую философію. Не думаемъ, чтобы для такого пробѣла можно было подыскать хоть какія-нибудь основанія. Не знаемъ, что сказалъ бы нашъ авторъ въ оправданіе пропуска исторіи древнихъ религій, но по вопросу о патристической философіи онъ говоритъ вотъ что: „Философія отцовъ церкви не подвинула впередъ (!!!) рѣшенія проблемы (о) безсмертія (и). Первые вѣка христіанства характеризуются необычнымъ подъемомъ въ обществѣ религіознаго чувства. Живая вѣра въ безсмертіе, которою было проникнуто древне-христіанское общество, возводила истину безсмертія души на степень самоочевидной аксіомы, не требующей никакихъ доказательствъ. Воскресеніе Богочеловѣка, являющееся залогомъ нашего личнаго воскресенія, было достояніемъ живого на-

роднаго (?) преданія, не допускающаго возможности критическаго отношенія къ данному факту. *Но тамъ, гдѣ нѣтъ критицизма, нѣтъ и философіи (!)*. Святоотеческіе опыты рѣшенія вопроса о безсмертіи въ своемъ послѣднемъ основаніи чаще всего опираются на авторитетъ вѣры. Борьба христіанства съ язычествомъ была особой причиною, *препятствующей (вовавшей) прогрессу (?) философскаго разъясненія* вопроса о безсмертіи. *Отвращеніе*, вызываемое въ душѣ христіанина враждебнымъ языческимъ міромъ, естественно распространялось на всѣ стороны его жизни и, въ частности, на философію“ (стр. 213). Странная тирада, чтобы не сказать больше! „Нѣтъ критицизма—нѣтъ и философіи“. Но тогда пришлось бы зачеркнуть половину всей исторіи философіи. „Отвращеніе къ философіи“ (какой?). Это у мыслителей-то, ознаменовавшихъ свое существованіе глубочайшими умозрѣніями! Положимъ, что свой суровый, только что приведенный нами, приговѣръ авторъ сейчасъ же пытается ослабить ограниченіями („весьма часто“, „впрочемъ“ и т. д.). Но, конечно, это не измѣняетъ существа дѣла. Ошибка автора, и при томъ ошибка принципиальнаго характера, состоитъ въ томъ, что онъ, повидимому, думаетъ, будто для того, чтобы быть философскою, теорія должна быть выпрадаема изъ какихъ-либо отвлеченностей, при условіи „критицизма“. О, нѣтъ! Можно философски углубляться и осмысливать, и при томъ безъ всякаго злоупотребленія „критицизмомъ“, и истины откровенія (напомнимъ хотя бы *Чтенія о Богочеловѣчествѣ* покойнаго Соловьева). И вотъ было бы большою заслугою автора, если бы онъ взялъ на себя трудъ показать, какъ оплодотворенная христіанствомъ мысль, исходя совершенно изъ другихъ точекъ, чѣмъ мысль дохристіанская, заложила основанія (а вѣдь это такъ) той своеобразной гносеологіи, вмѣстѣ и религіозной и философской, которая, если бы она была довершена въ томъ же направленіи позднѣйшимъ богословіемъ, дала бы совершенно особый типъ раскрытія истины безсмертія и удостовѣренія въ ней,—по крайней мѣрѣ, для религіозно-настроенныхъ душъ. Вся задача здѣсь (и, конечно, *трудность!*) заключалась бы для автора въ томъ, чтобы принципиально *перемѣстить* нашу точку зрѣнія, при чемъ зависѣло бы уже отъ искусства и степени щедрости автора на трудъ, ввелъ ли

бы онъ своего читателя въ детали, или заставилъ бы его ограничиться лишь общими перспективами. Къ сожалѣнію, повторяемъ, онъ совершенно отклонилъ отъ себя эту благодарную задачу и притомъ, какъ мы знаемъ, по мотивамъ, ни въ какомъ случаѣ не заслуживающимъ уваженія. Мы должны объ этомъ пожалѣть тѣмъ болѣе, что при такихъ существенныхъ пробѣлахъ своего „обзора философскихъ ученій о безсмертіи души“ авторъ отвлекаетъ вниманіе своего читателя къ подробностямъ, которымъ мѣсто развѣ лишь въ общихъ курсахъ исторіи философіи и которыя, во всякомъ случаѣ, при напечатаніи сочиненія было бы гораздо цѣлесообразнѣе вынести къ концу, какъ матеріаль или спеціальныя подробности. Это особенно слѣдуетъ сказать относительно вопросовъ о подлинности и хронологическихъ датахъ діалоговъ Платона и сочиненій Аристотеля, которымъ отведено довольно много мѣста.

Авторъ подлежащей нашему разсмотрѣнію диссертациі имѣлъ бы, конечно, полное право отклонить отъ себя обращаемое къ нему нами требованіе полноты, если бы онъ ставилъ своею задачею не *хроникальное* изложеніе исторіи вопроса о безсмертіи, но *предметно-генетическое* (то-есть ставилъ бы себѣ вторую изъ двухъ указанныхъ нами выше задачъ). Но въ такомъ случаѣ, взамѣнъ хроникально-фактическихъ подробностей, рецензентъ имѣлъ бы полное право ожидать отъ диссертациі иныхъ достоинствъ обработки матеріала—какъ въ положительной, такъ и въ критической части. А именно, во-первыхъ, *со стороны положительной*, авторъ долженъ былъ бы дать намъ именно *типы мысли*, общечеловѣческой мысли, по вопросу о безсмертіи, въ ихъ историко-генетическомъ развитіи, чтобы читателю не приходилось теряться въ ненужныхъ деталяхъ, въ которыхъ на одинъ шагъ впередъ приходится десять движеній попятныхъ,—но чтобы ему сразу же ясно было, въ какихъ именно основныхъ колеяхъ движется общечеловѣческая мысль. Во-вторыхъ, *со стороны отрицательно-критической*, авторъ долженъ былъ бы направлять свои удары по линіямъ центрального устремленія мысли и притомъ—по ясно выработанному плану, опредѣленному его собственнымъ отношеніемъ къ вопросу, при чемъ само собою оказалось бы, *какъ именно самъ онъ смотритъ на исторически опредѣлившіеся типы рѣшенія проблемы:*

находитъ ли онъ въ нихъ элементы истиннаго рѣшенія, или же, напротивъ, видитъ въ нихъ лишь указаніе на то, какими путями итти не слѣдуетъ. Къ сожалѣнію, и этимъ требованіямъ диссертация, въ желательной степени, не удовлетворяетъ. Предметно-генетическая тенденція труда даетъ себя чувствовать развѣ лишь случайно и спорадически, но не какъ ясно поставленная его задача. Обработка отдѣльныхъ теорій, какъ мы и сказали выше, носитъ въ сочиненіи г. Малинина именно монографическій, то-есть дѣлающій изъ каждой теоріи обособленное цѣлое, характеръ, при чемъ на мѣсто логико-генетическаго анализа теорій, въ связи съ предшествующими и послѣдующими, всего чаще выступаетъ простой пересказъ ихъ, безъ углубленія въ центральное и господствующее, безъ попытокъ возсоздать ту или другую, обрабатываемую въ данномъ случаѣ, теорію, органически. Вслѣдствіе этого, критика автора носитъ обыкновенно, такъ сказать, периферическій и дробный характеръ и, хотя мѣстами не лишена вѣса и даже остроумія, однако же въ общемъ, и въ критической своей части, не стоитъ на уровнѣ строгихъ методологическихъ требованій, которыя законно могутъ быть предъявлены къ историко-критическому труду, претендующему на научно-серьезное значеніе.

На основаніи сказаннаго, мы должны поставить, относительно диссертации г. Малинина, довольно сдержанное общее заключеніе. Это еще не значитъ, конечно, будто мы отрицаемъ за нею всякое научное значеніе. О, нѣтъ! И въ настоящемъ своемъ видѣ она, какъ мы сказали выше, могла бы быть полезнымъ справочникомъ, если и не для специалистовъ науки, то, по крайней мѣрѣ, для тѣхъ тружениковъ, которымъ, по разнымъ причинамъ, приходится ограничиваться свѣдѣніями изъ вторыхъ рукъ. Но необходимо, чтобы, при напечатаніи диссертации, авторъ возможно тщательно исправилъ главу, посвященную ученію о безсмертіи Отцовъ и Учителей православно-христіанской Церкви (патристическій періодъ).

Конечно, для полноты диссертации—справочника, было бы желательно встрѣтить въ ней пополненіе пробѣловъ, указанныхъ нами выше,—главнымъ образомъ, изъ исторіи безсмертія въ патристической философіи и въ древнихъ религиозно-философскихъ ученіяхъ. Но нужно быть справедли-

вымъ къ автору, принявшему на себя и безъ того довольно значительный трудъ, и не возлагать на него, въ качествѣ *непремѣнно-обязательныхъ*, такихъ задачъ, выполненіе которыхъ, хотя и желательно, но, по своей сложности, чрезвычайно трудно.

При напечатаніи диссертациі, настоятельно рекомендуемъ автору: 1) *повсюду замѣнить* вводимый имъ въ текстъ подлинникъ русскимъ переводомъ, при чемъ подлинныя выдержки, для провѣрки текста, согласно существующимъ обычаямъ, всего лучше, конечно, перенести въ примѣчанія, подъ строку; 2) *перенести* спеціальныя подробности (хронологія, подлинность сочиненій и т. д.), чтобы не загромождать текста и не охлаждать интересъ читателя, въ конецъ диссертациі,—въ качествѣ особаго „Приложенія“.

б) Ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ введенія въ кругъ богословскихъ наукъ Сергѣя *Глаголева*:

„Обширное сочиненіе г. Малинина (546 стр. формата большого почтоваго листа) носитъ на себѣ печать любви автора къ занятіямъ философіею и свидѣтельствуетъ о его широкихъ и основательныхъ познаніяхъ въ этой дисциплинѣ. Онъ взялъ на себя задачу критически обозрѣть философскія ученія о безсмертіи души въ ихъ исторической преемственности, начиная съ временъ древнѣйшихъ и кончая настоящими днями. И онъ выполнилъ эту задачу съ успѣхомъ и съ замѣчательною добросовѣстностью. Онъ изслѣдовалъ философскую сторону вопроса, но его философская работа даетъ несомнѣнно и богословскій плодъ. Проблема безсмертія, имѣющая столь важное значеніе въ религіи, получаетъ въ критико-историческомъ обзорѣ автора много серьезныхъ данныхъ для положительнаго рѣшенія.

Работа автора незаурядна. Какъ по широтѣ и основательности своихъ познаній, такъ и по силѣ критической мысли она поднимается значительно надъ многими трудами подобнаго рода, и авторъ ея внѣ всякаго сомнѣнія достоинъ степени магистра богословія.

Но, одобряя сочиненіе, рецензентъ обыкновенно прибавляетъ: но; говорю это „но“ и я.

Но свои философскія способности и трудолюбіе авторъ, думается, могъ бы использовать съ большею плодотворностью, если бы привлекъ для выполненія своей задачи

еще иной материалъ и если бы выполнение задачи велъ инымъ методомъ.

Философскія ученія о безсмертіи представляютъ въ сущности критику, отрицаніе, поправку или обоснованіе представленій посмертнаго существованія созданныхъ народнымъ воображеніемъ или исповѣдуемыхъ религіями. Этотъ матеріаль—фольклора и религій не затронуть авторомъ. А между тѣмъ онъ есть та почва, на которой выросли воззрѣнія и Платона и Аристотеля и позднѣйшихъ мыслителей. Въ религіозно-психологическихъ представленіяхъ Египта, Индіи, Элевзинскихъ мистерій авторъ нашелъ бы и основу и восполненіе философскихъ умозрѣній. Авторъ, повидимому, ограничиваетъ свою задачу изслѣдованіемъ философскихъ ученій, но съ истинной пользой для философіи онъ могъ бы опустить нѣкоторые изъ излагаемыхъ имъ философскихъ воззрѣній и, привнеся матеріаль не философскій, а фольклора и религій, могъ бы выяснитъ и происхожденіе важныхъ философскихъ ученій и дать ключъ къ пониманію нѣкоторыхъ элементовъ этихъ ученій.

Такъ, анализируя понятіе идеи у Платона и формы у Аристотеля, г. Малининъ легко достигаетъ вывода, что эти философы не признавали сознательнаго безсмертія. Онъ готовъ даже сдѣлать еще болѣе радикальные выводы изъ ихъ воззрѣній. Безсмертная идея Платона оказывается чѣмъ-то отдѣльнымъ отъ человѣка, даже его ангеломъ хранителемъ, ея безсмертіе не есть, значитъ, безсмертіе человѣческой души (61 и 67 стр.). Форма Аристотеля, наоборотъ, оказывается функцией организма и, слѣдовательно, должна погибнуть вмѣстѣ съ нимъ (230, 231, 234). Но авторъ не только долженъ знать, а и на самомъ дѣлѣ знаетъ, что идея и форма двухъ величайшихъ мыслителей Греціи имѣютъ многообразное значеніе. Долженъ бы былъ авторъ знать, что идея Платона представляетъ много разъ отмѣчавшееся сходство съ народными арійскими вѣрованіями, которыя наиболѣе раскрыты въ ученіи персидской религіи о ферверахъ или фравашахъ и въ римской о геніяхъ. Ферверы, это—идеальные образы вещей, существующіе реально. Земная дѣйствительность представляетъ собою и отраженіе ферверовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уклоненіе отъ нихъ. Человѣкъ отражаетъ собою фервера, но въ то же время какъ его ферверъ

весь состоитъ изъ добра, человѣкъ своими темными сторонами уклоняется и отступаетъ отъ него. Есть у ферверовъ черта, которая сближаетъ ихъ съ ангелами хранителями. Ферверъ не только идеальнъ человѣка, но и направляетъ человѣка къ идеалу, помогаетъ ему во всемъ добромъ. Въ общемъ, однако, должно признать, что ферверамъ приписываются признаки несогласованные, и персидскія представленія о нихъ не совсѣмъ выяснены. Понятіе римскихъ геніевъ должно быть сближено съ понятіемъ персидскихъ фравашъ или ферверъ. Геній отъ *genus* — родъ прежде всего духъ родоначальника, затѣмъ—геніи—духи покровители отдѣльныхъ лицъ, обществъ, странъ, городовъ. Вообще не только личность, но и каждая единица юридическая, географическая имѣли собственныхъ геніевъ. Геній заключаетъ въ себѣ существо того, охранителемъ кого или чего онъ является (духъ, геній народа), и заключаетъ въ себѣ идеальныя свойства охраняемаго. Что тѣ и другія свойства первоначально мыслились въ умершемъ родоначальникѣ, а затѣмъ стали усваиваться особымъ существамъ, стоящимъ за каждымъ лицомъ или предметомъ, это допустить весьма возможно. Геніи классифицировались. Чѣмъ выше лицо, тѣмъ выше его геній. Римскій императоръ былъ представителемъ имперіи, т.е. самаго высшаго, что только знали и хотѣли знать римлянинъ. Геній императора, понятно, долженъ былъ стоять высоко въ глазахъ римлянина; если геніи почитались вообще, то геній императора долженъ былъ почитаться особенно. Но геній лица мыслился и какъ идеальный типъ лица, именно, какъ идея Платона. При такомъ представленіи граница между лицомъ и его геніемъ могла стираться особенно тогда, когда если не дѣйствительность, то патриотизмъ или лесть надѣляли лицо идеальными чертами. Отсюда культъ генія императора становился просто культомъ императора.

Нужно отмѣтить еще одну черту древнихъ религій: соединеніе одного сознанія съ другимъ у нихъ не мыслится, какъ уничтоженіе низшаго сознанія. Умершій, по египетскимъ представленіямъ, становится Озирисомъ N и надъ нимъ, уже соединившимся съ Озирисомъ, производится судъ. По другимъ представленіямъ умершій достигаетъ идеальнаго конца въ соединеніи съ самимъ Ра, и этотъ конецъ мыслится, какъ высшее блаженство. Такъ, соединеніе души съ своей

идеальною стороною—ферверомъ или гениемъ есть не уничтоженіе сознанія, а возведеніе его къ идеальному совершенству. Идея Платона есть только философское обозначеніе такихъ религіозныхъ представленій, какъ ферверъ или гений. Форма Аристотеля есть дальнѣйшій шагъ отъ религій по направленію къ философіи и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ трансцендентнаго къ имманентному. Подъ формою у Аристотеля мыслится формирующее начало, которое иногда можно отождествить съ сущностію. Понятно, что то, что формируетъ, можетъ продолжать существовать и послѣ того, какъ исчезло то, что имъ сформировано. Если бы г. Малининъ принялъ все это въ соображеніе, онъ не сдѣлалъ бы изъ философіи Платона и Аристотеля тѣхъ выводовъ, которые сдѣлалъ. Г. Малининъ пытается философскія ученія о безсмертіи заключать въ слишкомъ простыя реалистическія схемы, и затѣмъ дѣлаетъ выводы, но по существу ученіе о безсмертіи таково, что его не всегда возможно развивать по системѣ нашихъ обычныхъ силлогизмовъ и при помощи нашихъ категорій. Когда рѣчь идетъ о другомъ мірѣ, то нужно помнить, что формулы, пригодныя для нашего міра, могутъ тамъ быть пригодны лишь въ незначительной степени.

Стоя на своей строго - философской почвѣ, г. Малининъ разсматриваетъ ученіе о безсмертіи блаж. Августина. Онъ не находитъ у него ученія о личномъ безсмертіи (212). Это произошло отъ того, что нашъ авторъ признаетъ у Августина двѣ фізіономіи, философскую и богословскую, и хочетъ знать только первую. Иначе бы онъ узналъ, что Августинъ училъ о загробныхъ наградахъ и наказаніяхъ, о воскресеніи тѣлъ, и даже рѣшалъ вопросъ, въ какихъ тѣлахъ мы воскреснемъ (см. *De civitate Dei* XXII, 14, 24 толк. на псал. LXXIX). Конечно, Августинъ не предполагалъ, что воскресія тѣла будутъ принадлежать безличнымъ душамъ.

Вообще стремленія автора обсуждать вопросъ только въ какихъ-то философскихъ границахъ отозвалось невыгодно на его трудѣ. Важно не то философское или богословское рѣшеніе вопроса, а важно, чтобы было дано правильное рѣшеніе. Авторъ въ своемъ изслѣдованіи приходитъ къ выводу, что большинство философовъ отрицали сознательное безсмертіе, но это отрицаніе онъ не прямо находитъ у философовъ, а выводитъ его изъ ихъ сочиненій почему-то очень щедро

и, надо прибавить, съ большими натяжками. Порою эти сомнительные выводы можно разбить выраженіями несомнѣнной вѣры этихъ мыслителей. Но нашъ авторъ никогда не обращается къ религіозному разъясненію философскихъ воззрѣній.

Если авторъ не воспользовался внѣ-философскимъ матеріаломъ для своей темы, то по отношенію къ матеріалу философскому онъ проявилъ преувеличенное усердіе. Онъ принялъ за принципъ, что возможно правильное рѣшеніе изслѣдуемаго имъ вопроса можно строить лишь на историко-философскомъ основаніи и онъ предпринялъ безнадежно широкое обзорѣніе мнѣній о безсмертіи. Этотъ приѣмъ чрезвычайно облегчаетъ планъ работы, всегда искусственно расширяетъ ея объемъ, но, благодаря ему, производится не мало и бесплодной работы. Не всѣ ученія о безсмертіи заслуживаютъ безсмертія. Для рѣшенія вопроса о происхожденіи и судьбѣ души не мнѣнія элеатовъ и Платона нужно изучать, а во-1) и главнымъ образомъ самыя данныя о душѣ — данныя современной научной психологіи и во-2) для того, чтобы легче и удобнѣе ориентироваться въ вопросѣ, нужно, конечно, ознакомиться съ основными современными теченіями въ его разработкѣ. Исторія вопроса совсѣмъ иное дѣло, чѣмъ его рѣшеніе, оно должно имѣть самостоятельную цѣль. Изученіе мнѣній о предметѣ и изученіе предмета два разныя дѣла. Современный географъ не станетъ изучать взглядовъ Козьмы Индиклопества на устройство міра, а кто будетъ изучать эти взгляды, тотъ будетъ имѣть свою цѣлю, конечно, не содѣйствіе успѣхамъ географіи, а нѣчто иное. Такъ и изученіе вопроса о безсмертіи души и выясненіе его современнаго положенія—два различныхъ дѣла. Авторъ, намѣтивъ окончательною задачею своего труда рѣшеніе второй проблемы, пока наставляетъ насъ въ первой. Можно заранѣе предсказать, что его первая часть—за исключеніемъ послѣдняго отдѣла, посвященнаго современнымъ ученіямъ,—немного поможетъ ему при написаніи второй.

Я долженъ указать еще одну черту въ изложеніи философскихъ ученій у г. Малинина, которой, мнѣ кажется, слѣдуетъ избѣгать.

Изложеніе мнѣній философовъ онъ обыкновенно заканчиваетъ оцѣнкою этихъ мнѣній съ указаніемъ ихъ достоинствъ

и недостатковъ. Форма этой оцѣнки напоминаетъ наши официальные отзывы о работахъ на ученые степени. Такъ, что все сочиненіе г. Малинина является по формѣ изложенія похожимъ на академическіе протоколы совѣтскихъ засѣданій за іюнь мѣсяць. Статьи о большинствѣ философовъ заканчиваются такими выраженіями, за которыми такъ и чувствуется балль: Аристотель—3¹/₂, Кантъ—4, Вольтеръ—2+. Позволительно думать, что какъ бы ни были ошибочны воззрѣнія этихъ философовъ, они стоятъ выше этой школьной оцѣнки.

Сочиненіе г. Малинина обнимаетъ собою множество темъ, изъ которыхъ разработка каждой была бы достаточною для полученія степени магистра (ученіе Платона, воззрѣнія схоластиковъ, метампсихозисъ и мног.). Работа на широкую тему имѣетъ свои выгоды: она даетъ больше свободы для занятій и предоставляетъ автору возможность сосредоточить занятія на предметахъ наиболѣе ему интересныхъ, игнорируя не интересующее его. Работы детальныя, монографическія обязываютъ автора обзрѣть и обсудить все сдѣланное до него по избранному предмету. Но широкія темы имѣютъ свои невыгоды. Какъ ни какъ, а въ концѣ концовъ приходится въ такихъ темахъ обзрѣвать предметъ съ птичьяго полета. А при этомъ всегда грозятъ двѣ опасности: 1) не увидать того, что нужно видѣть, и 2) увидѣть не только ненужное, но и то, чего совсѣмъ не было. Г. Малининъ отнесся къ своей темѣ съ достойною подражанія добросовѣстностью, но и онъ не избѣгъ недостатковъ, легко обусловливаемыхъ широкою постановкою дѣла.

Не мало спорнаго и сомнительнаго находится у автора во введеніи. На 1 стр. онъ характеризуетъ ощущенія, какъ непространственныя. Но развѣ ощущенія боли, вкусовыя не локализованы въ опредѣленныхъ мѣстахъ и на опредѣленномъ протяженіи? Непространственность ощущеній не такъ безспорна и ясна, какъ это кажется автору.

На 12 стр. способъ выраженія автора, повидимому, подсказываетъ мысль, что общія представленія и понятія различаются *только* по происхожденію. Позволительно думать, что авторъ этого не думаетъ. На 25 стр. у автора говорится, что ученіе о загробномъ возмездіи является главнымъ стимуломъ нравственной дѣятельности. Непосредственно выше

идеть рѣчь о законѣ Моисея. Но въ законѣ Моисея нашъ авторъ найдетъ немного указаній на вѣру въ безсмертіе. Единственный стимуль, допущенный въ десятословіи, обѣщаетъ благополучіе и долготѣіе на землѣ. Что ученіе о безсмертіи является единственнымъ теоретическимъ основаніемъ нравственно-разумной дѣятельности, это вѣрно; но чтобы оно имѣло значеніе важнаго практическаго фактора, съ этимъ не согласятся многіе (поучительно было бы для автора познакомиться съ воззрѣніями на этотъ предметъ Шаррона).

На 26—27 стр. авторъ находитъ связь идеи загробнаго возмездія съ моралью, съ замѣчательною силою и живостію раскрытою у Шекспира въ монологѣ Гамлета — быть или не быть. Но въ этомъ монологѣ рѣшительно нѣтъ рѣчи о загробномъ возмездіи, въ немъ не слышится даже твердой увѣренности въ загробномъ существованіи, въ немъ выражается лишь страхъ предъ неизвѣстностію того, что ждетъ человѣка по смерти.

На 28—29 стр. авторъ такъ излагаетъ ученіе Эпикура, что получается, будто Эпикуръ провозглашалъ принципъ безграничнаго произвола въ пользованіи наслажденіями. Авторъ, конечно, знаетъ, что это невѣрно.

На 31 стр. авторъ совершенно неправильно прилагаетъ психофизическій законъ Фехнера „ощущеніе есть логарифмъ раздраженія“ къ опредѣленію взаимоотношенія между каждою наслажденіемъ и средствами ихъ удовлетворенія. Наслажденія зависятъ отъ качественныхъ особенностей ощущеній, а веберо-фехнеровскій законъ имѣетъ въ виду лишь количественную связь между силою раздраженія и ощущенія.

На 38 стр. авторъ своему историческому обозрѣнію ученій о безсмертіи предпосылаетъ утвержденіе, что исторія европейской философіи дѣлится на 2 періода: первый простирается до появленія христіанства, второй начинается съ Декарта. Болѣе полуторы тысячи лѣтъ для нашего автора имѣютъ какое-то межеумочное, сомнительное значеніе. Въка патристики и схоластики онъ называетъ промежуточною (?) эпохой. Я думалъ, что такой взглядъ уже отходитъ въ область преданій. Въ новыхъ курсахъ исторіи философіи періодъ отъ Р. К. до Декарта уже не печатается мелкимъ шрифтомъ. Устарѣлая точка зрѣнія, раздѣляемая авторомъ,

принадлежить людямъ, которые полагають, что дѣти рождаются не отъ отцовъ, а отъ кого-то другого. Нѣтъ, новые вѣка вышли изъ среднихъ, а не изъ древнихъ. Декартъ имѣлъ своими предшественниками Монтэня, Бруно, Галилея (старшаго современника), какъ эти мыслители были всецѣло сынами своего времени.

Совершенно напрасно авторъ свысока трактуетъ вѣка патристики, схоластики и мистики. Напрасно онъ не остановился на выясненіи двухъ идей о безсмертіи души, которыя высказывались въ патристической литературѣ, что душа безсмертна по благодати Божіей и что душа будетъ жить въ воскресшихъ тѣлахъ. По отношенію къ схоластикѣ авторъ, кажется, не намѣренъ использовать для положительныхъ цѣлей,—а позволительно думать, что это было бы полезно,—интеллектуализмъ Ѳомы Аквината и волюнтаризмъ Дунса Скота. Мистику авторъ въ сущности обошелъ. Онъ совсѣмъ не коснулся даже возрѣній такого мыслителя, какъ Экартъ. А между тѣмъ мистическія представленія о безсмертіи въ блаженномъ сліяніи съ Божествомъ авторъ долженъ былъ бы выяснитъ, и если бы онъ ихъ выяснилъ (кромѣ христіанской мистики онъ могъ ихъ найти и въ неоплатонизмѣ и въ мистической арабской философіи), онъ можетъ быть далеко не такъ категорически характеризовалъ бы нѣкоторыя ученія.

При изложеніи ученій автору слѣдовало бы вполне выяснитъ фактъ или совсѣмъ не говорить о немъ. Не всегда онъ поступаетъ такъ. Онъ говоритъ, что произведенія Помпонція явились, какъ результатъ спора аверроистовъ съ александристами. Знать аверроистовъ, пожалуй, обязательно; но александристовъ извинительно и не знать. Въ нѣсколькихъ строкахъ авторъ могъ бы объяснить, кто они такіе, объяснивъ, что они послѣдователи Александра афродизійскаго, дѣлавшаго изъ психологическихъ возрѣній Аристотеля выводъ, что душа не обладаетъ безсмертіемъ.

На стр. 285 авторъ по поводу возрѣній Лейбница упоминаетъ объ англійскихъ деистахъ, но онъ нигдѣ не излагаетъ ихъ возрѣній. Но неужели возрѣнія Герберта, Гоббеса, Локка, не говоря уже о менѣ выдающихся представителяхъ англійской мысли той эпохи, имѣютъ менѣ значенія и цѣны, чѣмъ третъестепенные трактаты Помпонція?

Изложеніе возрѣній Лейбница болѣе, чѣмъ другія мѣста

сочиненія обнаруживаютъ еще свойство въ авторѣ—обычное у многихъ, но нежелательное ни у кого: онъ болѣе слѣдитъ въ своемъ трудѣ за лицами, чѣмъ за идеями. Онъ отмѣчаетъ годы рожденія и смерти философовъ, но онъ порою не замѣчаетъ зарожденія идей. Лейбницъ установилъ законъ *сохраненія силы, получившій имя закона сохраненія энеггін* и математическую формулировку лишь въ половинѣ XIX столѣтія. Этотъ законъ даетъ одинъ изъ серьезныхъ доводовъ въ защиту безсмертія, а въ своемъ развитіи онъ можетъ дать основанія для защиты ученія о сознательномъ безсмертіи. Отъ вниманія г. Малинина ускользнули эти идеи Лейбница и ихъ безсмертное значеніе.

Иногда у автора оказывается непонятной послѣдовательность изложенія. Такъ, взгляды Вольтера и Руссо (стр. 367—370) онъ излагаетъ послѣ взгляда Канта. Но онъ знаетъ, что они были старше Канта и даже самъ отмѣчаетъ вліяніе Руссо на Канта (370 стр.). Кстати также позволительно высказать предположеніе, что если бы авторъ прочиталъ „исповѣданіе вѣры савойскаго викарія“, онъ смягчилъ бы свой отзывъ о Руссо.

Въ изложеніи послѣкантовскихъ ученій авторъ напрасно опустилъ Шлейермахера. Свообразныя разсужденія этого богослова—философа показали бы еще другія стороны въ вопросѣ о безсмертіи, которыя не затронуты имъ въ своемъ трактатѣ. Въ изложеніи русскихъ ученій г. Малининъ почему то опускаетъ воззрѣнія Струве, диссертация котораго „Самостоятельное начало душевныхъ явленій“ М. 1870, въ свое время вызвала оживленную полемику.

Но за всѣмъ тѣмъ въ сочиненіи автора болѣе удивляетъ его начитанность, чѣмъ пробѣлы въ этой начитанности. Привлекательно въ авторѣ его стремленіе быть справедливымъ, его заботливость о томъ, чтобы не впасть въ грѣхъ напраснаго осужденія. Онъ не вполне избѣжалъ этого грѣха, но онъ старался его избѣжать, и многіе на его мѣстѣ впали бы въ этотъ грѣхъ въ гораздо большей степени.

Можно было еще продолжить перечисленіе промаховъ автора, но они не таковы, что могутъ вліять на измѣненіе оцѣнки его труда. Трудъ его—трудъ серьезный и достойный одобренія.

Въ заключеніе скажу, что какъ авторъ ни старался отго-

родить свою философскую постановку вопроса отъ богословія, оказываясь порою въ этомъ стараніи даже несправедливымъ къ философамъ и ученіямъ (Лейбницу, 295 стр., Баадеру, 434 стр.), онъ своимъ трудомъ окажетъ несомнѣнную пользу русской богословской наукѣ“.

Справка: 1) § 31 Положенія объ испытаніяхъ на ученныя степени: „Сочиненіе, представленное на степень магистра богословія и признанное удовлетворительнымъ, должно быть напечатано, но въ Совѣтъ Академіи для разсмотрѣнія оно можетъ быть представлено и до напечатанія, въ рукописи четкой и чистой“. 2) По § 81 лит. а. п. 10 устава духовныхъ академій „одобреніе къ напечатанію сочиненій, писанныхъ на соисканіе ученыхъ степеней“, значитъ въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: 1) Дозволить преподавателю Виѣанской духовной семинаріи Алексѣю Малинину печатать его диссертацию на степень магистра богословія, вмѣнивъ ему въ обязанность исправить, при печатаніи, по возможности всѣ указаные г.г. рецензентами недостатки. 2) Сужденіе о коллоквиумѣ имѣть по представленіи г. Малининымъ Преосвященному Ректору Академіи 60-ти экземпляровъ напечатанной диссертации.

На семь журналъ резолюція Его Высокопреосвященства: „1904 г. Декаб. 10. Утверждается“.

Того же 18 ноября 1904 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи Архимандритъ Юсифъ и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: В. Ключевскаго, Н. Заозерскаго, С. Глаголева, А. Голубцова, А. Введенскаго, А. Спасскаго, В. Мышцына и И. Андреева.

Слушали: I. а) Предложеніе Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго:

„Его Высокопреосвященство Владыка Митрополитъ предложилъ мнѣ официально довести до свѣдѣнія Совѣта о своемъ желаніи *открыть при Академіи противосектантскую кафедру* и согласіи дать необходимыя средства на содержаніе этой кафедры. Я присоединяюсь къ мнѣнію Владыки Митро-

полита не за страхъ, а за совѣсть. Думаю, что никто не будетъ оспаривать глубочайшей важности учрежденія этой кафедры при современномъ состоянїи быстро растущаго у насъ сектантства. Не буду подробно живописать предъ вами ни съ положительной, ни съ отрицательной стороны картину состоянїя современнаго намъ сектантства и борьбы Церкви съ нимъ. Она всѣмъ намъ хорошо извѣстна. Скажу немногое. Сектантство постоянно отторгаетъ отъ Церкви въ новое русло своей особенной религіозной жизни не мало людей, начиная съ интеллигента и кончая простецомъ крестьяниномъ, вноситъ великую смуту въ религіозное сознаніе многихъ, увлекаетъ людей по временамъ въ непроходимыя дебри гнусныхъ пороковъ, разлагаетъ семью, основы общественной и государственной жизни, тщится поколебать даже вѣковые устои самой Церкви. Нужно при этомъ вспомнить и нашихъ пастырей. Многие изъ нихъ изнемогаютъ въ непосильной подъ часъ борьбѣ съ врагомъ, къ борьбѣ съ которымъ они не приготовились, и не знаютъ, гдѣ найти помощь себѣ въ столь трудномъ и святомъ дѣлѣ, какъ борьба за Христа, Церковь, за основы семейной, общественной и государственной жизни и просто за самую человѣчность. Нужно вспомнить и вѣрныхъ сыновъ Церкви, изъ которыхъ многие терзаются всевозможными религіозными сомнѣніями и мучительнѣйшими колебаніями между правдой и ложью. Не говорю о положительныхъ свѣтлыхъ сторонахъ сектантства, которыми оно сильно въ борьбѣ съ Церковію и въ своемъ поступательномъ развитіи и ростѣ.

Академія уже немалую услугу оказала Церкви, занимаясь научно-объективной разработкой различныхъ вопросовъ богословскаго вѣдѣнія. Пусть послужитъ она ей и теперь.

Желая дать болѣе правильную постановку вопросу о противосектантской кафедрѣ въ Академіи, для детальной разработки этого вопроса я просилъ Совѣтъ Академіи назначить особую комиссію. Совѣтъ Академіи просилъ взять на себя трудъ составленія проекта новой кафедры специалистовъ по исторіи русской церкви и прошлаго русскаго сектантства: заслуженнаго ординарнаго профессора Н. Θ. Каптерева, исправляющаго должность доцента по кафедрѣ русской церковной исторіи С. И. Смирнова, исправляющаго должность доцента по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола

И. М. Громогласова и исправляющаго должность доцента по кафедрѣ греческаго языка Д. Г. Коновалова, немало изучавшаго и изучающаго сектантство теоретически и практически.

Коммиссія въ общихъ основныхъ чертахъ составила проектъ положеній о новой кафедрѣ при Академіи, каковой и предлагаю Совѣту на разсмотрѣніе“.

б) Докладъ коммисіи (въ составѣ: заслуженнаго ординарнаго профессора Николая *Калтерева* и исправляющихъ должность доцента Академіи Ильи *Громогласова*, Сергѣя *Смирнова* и Дмитрія *Коновалова*) по вопросу объ учрежденіи при Академіи на средства Московской епархіи штатной кафедры русскаго сектантства:

„I. Сектантство, представляющее крупное и вмѣстѣ болѣзненное явленіе современной русскои религіозной жизни, издавна привлекаетъ къ себѣ вниманіе всѣхъ, интересующихся ею, особенно вниманіе нашего высшаго духовнаго правительства, которое и борется съ этои опасной болѣзнью посредствомъ специальной противосектантской миссии и различныхъ другихъ мѣропріятій.

Но если врачъ только тогда можетъ успѣшно бороться съ недугомъ, когда, изучивъ больного, вѣрно отгадаетъ природу самой болѣзни, причины ея возникновенія и обстоятельства, среди которыхъ она появилась и дѣйствуетъ,—то и борець противъ недуга духовно-религіознаго, какимъ является сектантство, только тогда можетъ рассчитывать на успѣхъ, если тщательно изслѣдуетъ природу этого недуга, причины и условія его появленія, развитія и живучести, тѣ пути и средства, съ помощью которыхъ насадители сектъ привлекаютъ послѣдователей и сочувствіе общества, иногда даже открытое покровительство, и, въ силу этого, свой способъ воздѣйствія на сектантовъ поставитъ въ строгое соотвѣтствіе съ научно-провѣренными свѣдѣніями о нихъ.

Нужно, однако, сознаться, что наши современные противосектантскіе дѣятели не располагаютъ достаточными свѣдѣніями для успѣшнаго выполненія своей высокой задачи, потому что серьезное научное изслѣдованіе русскаго сектантства находится еще въ зачаточномъ состояніи. Правда, русская литература по сектантству очень обширна, но дѣйствительно цѣнная, научная часть ея исчерпывается довольно

ограниченнымъ числомъ монографій и нѣсколькихъ журнальныхъ статей по исторіи и обличенію различныхъ сектъ. Остальная, гораздо большая часть ея состоитъ преимущественно изъ мелкихъ журнальныхъ статей и газетныхъ замѣтокъ случайнаго происхожденія. Онѣ представляютъ собою скорѣе матеріалы или источники для изслѣдованія сектантства, чѣмъ самыя изслѣдованія.

Такое неудовлетворительное состояніе литературы по русскому сектантству объясняется отсутствіемъ у насъ научной разработки послѣдняго. У насъ и доселѣ еще нѣтъ богослововъ—специалистовъ, которые бы поставили своей профессиональной задачей всестороннее, методическое изученіе сектантства съ исторической, полемической и другихъ точекъ зрѣнія. Въ замѣнъ ихъ, о сектантствѣ часто пишутъ люди чуждые богословскаго образованія, безъ котораго оно не можетъ быть правильно изучено и оцѣнено. Въ результатъ является множество статей по сектантству, тенденціозно окрашенныхъ, полныхъ сомнительными свѣдѣніями. Въ виду этого, настоятъ неотложная нужда въ правильной организаціи серьезнаго и вполне научнаго изслѣдованія русскаго сектантства.

Самой естественной и цѣлесообразной мѣрой въ этомъ направленіи является, по нашему мнѣнію, открытіе особой кафедры, специально посвященной научному изслѣдованію русскаго сектантства и подготовкѣ противосектантскихъ дѣятелей,—на первый разъ хотя бы только при нашей Академіи. При этомъ имѣется въ виду, что вообще долтъ научной разработки сектантства лежитъ прежде всего на духовныхъ Академіяхъ. Въ нихъ именно есть тѣ необходимыя научныя и образовательныя силы, при помощи которыхъ можно съ должнымъ успѣхомъ совершить крайне важную и полезную для всей Церкви работу всесторонняго изслѣдованія русскаго сектантства, безъ чего борьба съ нимъ всегда будетъ случайной и мало достигающей своей цѣли. Съ другой стороны, въ Академіяхъ воспитываются не только будущіе пастыри Церкви вообще, но и будущіе спеціальные борцы съ сектантствомъ—миссіонеры, а между тѣмъ ни въ одной изъ нашихъ Академій нѣтъ кафедръ по русскому сектантству, почему ихъ питомцы выходятъ мало освѣдомленными о столь живомъ, очень видномъ и широко распро-

страненномъ явленіи народной религіозной жизни—сектантствѣ, съ которымъ придется многимъ изъ нихъ, какъ пастырямъ Церкви, встрѣчаться въ жизни и бороться. Восполнить этотъ очевидный и крупный пробѣлъ въ общей системѣ нашего академическаго образованія является дѣломъ рѣшительно необходимымъ.

II. Признаніе необходимости учрежденія проектируемой кафедры, на основаніи очевидной зависимости правильной постановки борьбы съ сектантствомъ отъ его научнаго изслѣдованія, ставить конечною цѣлью новой академической науки содѣйствіе церковной противосектантской миссін. Въ виду этой цѣли, сама собой намѣчается предстоящая задача академическаго изученія русскаго сектантства, въ общихъ чертахъ опредѣляется его программа и направленіе.

1) Поскольку академическая кафедра сектовѣдѣнія должна явиться на помощь противосектантской миссін во всеоружіи научнаго знанія, то, естественно, на первомъ планѣ въ ея задачѣ или программѣ должно стоять возможно полное собраніе и критическое изученіе свѣдѣній о русскихъ сектахъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ состояніи. Систематизація добытыхъ данныхъ должна завершиться, прежде всего, составленіемъ подробной научной исторіи русскаго сектантства со всѣми его развѣтвленіями, во вторыхъ, построеніемъ науки о русскомъ сектантствѣ въ подлинномъ смыслѣ, т. е. науки о природѣ или сущности сектантства, какъ своеобразной формы религіозной жизни русскаго народа. Средоточіемъ изысканій въ послѣднемъ случаѣ должно служить выясненіе природы тѣхъ психическихъ процессовъ, въ которыхъ выражается обращеніе отдѣльныхъ личностей и массовое совращеніе народа въ сектантство, такъ какъ сущность сектантскаго отщепенства состоитъ въ выдѣленіи извѣстныхъ лицъ въ особую внѣцерковную группу или общину, а выдѣленіе это, безспорно, представляетъ результатъ психическаго переживанія и въ немъ должно находить свое объясненіе.

Указанный анализъ сектантской психики чрезвычайно важенъ съ практической, миссіонерской точки зрѣнія, поскольку лишь онъ одинъ въ состояніи вскрыть внутреннія причины совращенія народа въ сектантство и тѣ, несомнѣнно, могучія силы, благодаря которымъ оно поражаетъ своею необычайной живучестью, своимъ изувѣрнымъ фанатизмомъ,

доводящимъ сектантовъ до самоистязанія, добровольнаго изуродованія, самораспятія и т. п. Разъ эти причины и силы будутъ твердо установлены наукой, направленіе борьбы съ сектантствомъ станетъ вполне яснымъ; очевидно, все вниманіе должно быть сосредоточено на этихъ причинахъ, устраненіе которыхъ неизбежно парализуетъ и ихъ слѣдствія: *sublata causa, tollitur effectus*.

Здѣсь, при изслѣдованіи сектантской психики, той внутренней основы, на которой зиждется сектантство, спеціалистъ неизбежно встрѣтится съ существующими медицинскими теоріями, объясняющими многія явленія въ сектантскомъ мірѣ съ невропатологической и психіатрической точекъ зрѣнія. Чтобы разобратъ въ нихъ, сектовѣду необходимо быть освѣдомленнымъ и въ нервно-психической медицинѣ.

Изслѣдованіе русскаго сектантства въ означенномъ смыслѣ должно стремиться къ общенаучному идеалу, т. е. къ установленію общихъ неизмѣнныхъ законовъ, управляющихъ изучаемыми явленіями. Достигнуть этого идеала возможно лишь подъ условіемъ широкаго примѣненія сравнительнаго метода, служащаго опорой всѣхъ современныхъ наукъ; онъ требуетъ привлеченія къ изслѣдованію возможно большаго количества фактовъ и явленій, аналогичныхъ въ какомъ-либо отношеніи съ изучаемымъ, и, такимъ образомъ, даетъ возможность выработать вѣрныя, твердо обоснованныя обобщенія. Для науки о русскомъ сектантствѣ примѣненіе сравнительнаго метода тѣмъ болѣе умѣстно, что слишкомъ разительно сходство многихъ нашихъ сектъ и генетическая связь, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ съ иноземными сектами различныхъ временъ и странъ. Объ этомъ родствѣ говорятъ самыя названія многихъ русскихъ сектъ, напр., монтаны, квакеры, мормоны, анабаптисты, штунда и др. Такимъ образомъ, наука о русскомъ сектантствѣ, въ ея идеальной постановкѣ, по необходимости должна явиться съ методологической стороны до известной степени сравнительнымъ сектовѣдѣніемъ, должна опираться на обстоятельное изученіе всемірнаго религіознаго сектантства, связаннаго съ нашимъ сходствомъ ученія и культа, или прямымъ вліяніемъ и взаимодѣйствіемъ, что, въ свою очередь, потребуетъ широкаго знакомства съ иностранной литературой касательно многоразличныхъ сектъ. Цѣннымъ практическимъ резуль-

татомъ сравнительнаго изученія русскаго сектантства можетъ быть установленіе, на основаніи многолѣтняго опыта различныхъ странъ, наиболѣе цѣлесообразныхъ и дѣйствительныхъ мѣропріятій для борьбы съ сектантствомъ.

2) Опираясь на изслѣдованіе природы или сущности русскаго сектантства, можно рассчитывать на успѣшное приведеніе въ систему разрозненныхъ, отрывочныхъ данныхъ о вѣроученіи, нравоученіи и культѣ различныхъ сектъ, выдѣлить тамъ существенное отъ несущественнаго, основное ядро отъ дальнѣйшихъ наслоеній и, такимъ образомъ, подготовить почву для правильной постановки противосектантской полемики.

3) Завершеніемъ всѣхъ отмѣченныхъ изысканій въ области русскаго сектантства должно явиться изслѣдованіе вопроса о мѣропріятіяхъ противъ распространенія сектантскихъ заблужденій среди народа. Само собою понятно, что этотъ отдѣлъ науки будетъ зависѣть отъ результатовъ, добытыхъ при изученіи исторіи и сущности сектантства. Въ этой сферѣ академическая наука о русскомъ сектантствѣ неизбежно станетъ на практическую почву. Изучивъ детально обширную противосектантскую полемическую литературу, она безспорно не ограничится простымъ указаніемъ недостатковъ послѣдней, но приметъ всѣ мѣры къ ихъ устраненію. Если окажутся возможными и другіе способы пракческаго участія академической науки въ дѣлѣ борьбы съ сектантствомъ (напр., изданіе спеціальнаго журнала по сектантству, поѣздки профессора со студентами въ сектантскіе центры для бесѣдъ и т. п.), то осуществленіе ихъ она несомнѣнно будетъ всегда считать своимъ долгомъ.

4) Сообразно съ начертанной общей программой академическаго изученія русскаго сектантства, всего естественнѣе было бы присвоить будущей академической кафедрѣ наименованіе „кафедры русскаго сектантства“. Длинное названіе „исторія и обличеніе русскаго сектантства“, которое можно было бы принять по аналогіи съ параллельной кафедрой „исторіи и обличенія русскаго раскола“, является слишкомъ узкимъ, поскольку не обнимаетъ основного отдѣла сектовѣдѣнія, а изъ многочисленныхъ мѣръ борьбы съ сектантствомъ, могущихъ подлежать научному обсужденію и разработкѣ, ограничивается лишь одной—обличеніемъ. Благозвучное и

краткое названіе „русское сектовѣдѣніе“ не допустимо, какъ совершенно неточное: оно не обозначаетъ ясно предмета науки (терминъ „русское сектовѣдѣніе“ можетъ быть приложимъ и къ изученію русскими учеными иноземныхъ сектъ, безъ отношенія къ русскимъ), опредѣленно указывая лишь національность самихъ изслѣдователей; кромѣ того, оно внушаетъ мысль, будто академическая каеэдра должна быть посвящена не изученію самаго сектантства, а лишь русской литературы о немъ. Всѣхъ подобныхъ недостатковъ чуждо названіе „каеэдра русскаго сектантства“, которое и въ обычномъ разговорномъ языкѣ, несомнѣнно, вытѣснитъ всякое другое, даже признанное официально.

III. На основаніи намѣченной въ общихъ чертахъ задачи академической каеэдры по русскому сектантству, не предрѣшая вопроса о подробной программѣ будущихъ занятій по этой каеэдрѣ (ее въ свое время, конечно, представитъ профессоръ сектовѣдѣнія), слѣдуетъ признать, что успѣшное выполненіе этой задачи возможно лишь при исключительно благоприятныхъ условіяхъ, которыя должны быть созданы, по крайней мѣрѣ, отчасти одновременно съ открытіемъ самой каеэдры. Эти благоприятныя условія необходимы въ виду серьезныхъ затрудненій, стоящихъ на пути къ научному изслѣдованію нашего сектантства. Послѣднія коренятся, главнымъ образомъ, въ своеобразномъ состояніи и свойствахъ источниковъ по русскому сектантству.

1) Среди эти источниковъ первое мѣсто занимаетъ русская сектантская литература, т.-е. собраніе словесныхъ (устныхъ и письменныхъ) произведеній самихъ сектантовъ—ихъ писъма, изложенія вѣроученія, стихотворенія, духовныя пѣсни, пророческія изреченія, эпитаѳии, разсужденія на разныя темы, „исповѣди“ бывшихъ сектантовъ и проч.

2) Сектантская литература является хотя и вѣрнымъ, однако неизбѣжно одностороннимъ отраженіемъ религіозныхъ воззрѣній, обрядовъ и быта нашихъ сектантовъ; поэтому она, какъ источникъ науки о сектантствѣ, естественно нуждается въ дополненіи посредствомъ наблюденій стороннихъ лицъ, въ особенности, того, кому въ Академіи будетъ поручена специальная разработка упомянутой науки. Между этими наблюденіями особеннаго вниманія заслуживаютъ свѣдѣнія, собранныя при производствѣ судебныхъ и административ-

ныхъ дѣлъ о сектантахъ, такъ какъ они основаны на тщательномъ дознаніи духовныхъ и гражданскихъ слѣдователей, на показаніяхъ множества свидѣтелей и самихъ сектантовъ, официальныхъ донесеніяхъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ, вещественныхъ доказательствахъ, письменныхъ произведеній сектантовъ, захваченныхъ при обыскѣ, и на заключеніяхъ врачей—экспертовъ.

Къ сожалѣнію, пользованіе перечисленными источниками сопряжено съ немалыми трудностями. Дѣло въ томъ, что большая часть ихъ хранятся неопубликованными въ центральныхъ и провинціальныхъ архивахъ (при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, при различныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, разбиравшихъ дѣла о сектантахъ, въ консисторскихъ и губернскихъ архивахъ), въ бібліотекахъ при нѣкоторыхъ древнихъ церквахъ, семинаріяхъ, монастыряхъ, миссіонерскихъ братствахъ, въ музеяхъ нѣкоторыхъ больницъ, гдѣ производилось освидѣтельствованіе сектантовъ (по подозрѣнію въ скопчествѣ или психической ненормальности) и др., а изданные разбросаны по безчисленнымъ газетамъ и журналамъ, главнымъ образомъ, мелкимъ провинціальнымъ (въ епархіальныхъ и губернскихъ вѣдомостяхъ; различныхъ „телеграфахъ“, „обозрѣніяхъ“, „запискахъ“, „бесѣдахъ“, „вѣстникахъ“ и проч.), которыхъ зачастую невозможно достать даже въ такихъ книжныхъ собраніяхъ, какъ Императорская Публичная Библіотека и Румянцовскій Музей. Помимо того, эти разрозненныя, случайныя изданія исполнены безъ надлежащей критики и научныхъ пріемовъ, почему требуютъ большой осторожности при пользованіи ими. Многія же произведенія сектантской литературы остаются совершенно неизвѣстными за предѣлами сектантскихъ общинъ и еще ждуть своего собирателя.

Въ виду означеннаго состоянія источниковъ по русскому сектанству, отъ профессора новой академической кафедры потребуются, прежде всего, сложный и энергичный трудъ мозаическаго собиранія разсѣянныхъ матеріаловъ, необходимыхъ для созиданія науки о русскомъ сектанствѣ. Тяжесть этого труда будетъ особенно ощутительна на первыхъ порахъ, при составленіи курса лекцій по сектовѣдѣнію. Вотъ почему крайне желательно, чтобы будущему профессору сектовѣдѣнія, въ началѣ его научной и преподавательской

дѣтельности, было предоставлено необходимое время для собиранія матеріаловъ по русскому сектантству и право на свободный доступъ въ тѣ центральные и провинціальныя архивы, гдѣ хранятся документы о сектантахъ.

3) Но сколь бы ни былъ обильнымъ и цѣннымъ сводъ добытыхъ „матеріаловъ по русскому сектантству“, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ вполне замѣнить для специалиста личное, непосредственное наблюденіе надъ сектантами. Сектантство — явленіе живое, измѣнчивое и непрерывно развивающееся; многія секты и сейчасъ еще находятся въ процессѣ своего образованія. Поэтому, чтобы быть въ курсѣ дѣла, для специалиста необходимо постоянно обращаться къ личнымъ наблюденіямъ за движеніемъ въ сектантскомъ мірѣ. Опубликованныя наблюденія другихъ лицъ не могутъ быть точной характеристикой текущаго момента въ жизни сектантства: они всегда будутъ захватывать лишь протекшіе моменты; отсюда, и пользующіея исключительно ими при изученіи современнаго сектантства неизбѣжно всегда будетъ отсталымъ по сравненію съ живой дѣйствительностью. А при такихъ условіяхъ немислима вѣрная постановка вопроса о мѣрахъ противъ развитія сектантства; вѣдь, бороться приходится не съ сектантствомъ, ставшимъ удѣломъ исторіи, а съ тѣмъ, какое существуетъ въ настоящее время. Такимъ образомъ, самымъ существомъ дѣла выдвигается настоятельная необходимость для будущаго профессора сектовѣдѣнія предпринимать ежегодныя (хотя бы въ каникулярное время) поѣздки въ мѣстности, зараженныя сектантствомъ. Къ тому же должны побуждать его, во-первыхъ, необходимость собирать архивныя матеріалы, хранящіяся преимущественно въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ издавна процвѣтаетъ сектантство, а во-вторыхъ, судебныя процессы, возбуждаемые нерѣдко противъ сектантовъ въ разныхъ мѣстностяхъ Имперіи; присутствіе академическаго сектовѣда на этихъ процессахъ, въ качествѣ ли эксперта, или простаго наблюдателя, въ значительной мѣрѣ обогащало бы его свѣдѣнія о современномъ сектантствѣ. Само собой понятно, что проектируемыя ежегодныя поѣздки профессора сектовѣдѣнія возможны лишь подъ условіемъ наличности необходимыхъ для этого средствъ.

IV. Кропотливое собираніе матеріаловъ и личныя наблюденія необходимы для академическаго сектовѣда, прежде

всего, какъ для спеціалиста—ислѣдователя предмета. Но нельзя забывать, что онъ, кромѣ того, долженъ быть преподавателемъ своей науки, руководителемъ студентовъ при ихъ занятіяхъ сектантствомъ. Выполненіе этой функціи, въ свою очередь, предполагаетъ наличность извѣстныхъ условій.

1) Главнѣйшимъ изъ нихъ является предоставленіе студентамъ возможности въ полномъ объемѣ пользоваться обширной литературой по сектантскому вопросу. Въ виду этого, учрежденіе спеціальной бібліотеки по русскому сектантству при новой академической каѳедрѣ представляетъ насущнѣйшую потребность.

2) Большимъ подспорьемъ при преподаваніи сектантства въ Академіи явился бы и спеціальнѣйшій музей по русскому сектантству, учрежденіе котораго крайне желательно и, по видимому, не сопряжено съ большими трудностями. Зачасть такого сектантскаго музея существовалъ при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, существуетъ ли теперь, неизвѣстно; недавно изъ компететнаго источника приходилось слышать, что предложеніе принять хранившіеся тамъ предметы было получено и отклонено Петербургскимъ Археологическимъ Институтомъ. Понятно, почему сектантскій музей не упрочивается и даже оказывается лишнимъ при упомянутыхъ учрежденіяхъ. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ бы въ случаѣ учрежденія его при академической каѳедрѣ русскаго сектантства; здѣсь сектантскій музей явился бы собраніемъ источниковъ одной изъ наукъ, хранилищемъ предметовъ, отбираемыхъ у сектантовъ (книгъ, рукописныхъ тетрадей, картинъ, портретовъ, принадлежностей сектантскаго богослужебнаго культа и проч.), а также служилъ бы прекраснымъ вспомогательнымъ средствомъ при преподаваніи сектантства, позволяя вести послѣднее наглядно и практически. При этомъ условіи каѳедра русскаго сектантства походила бы на академическую каѳедру церковной археологіи съ ея музеемъ и на многія университетскія каѳедры.

Что касается средствъ, необходимыхъ для учрежденія бібліотеки и музея по русскому сектантству, то ихъ приблизительно можно исчислить въ размѣрѣ 1000 рублей единовременно и 300 рублей ежегодно. Часть этой суммы должна пойти на устройство шкафовъ для книгъ и на оборудованіе помѣщенія для нихъ.

Подводя итоги сказанному о задачѣ научнаго изученія русскаго сектантства и объ условіяхъ ея успѣшнаго выполненія, нельзя не замѣтить, что на профессорѣ новой академической каѳедры будутъ лежать очень сложныя обязанности. Естественно, поэтому, спросить въ заключеніе: какими же правами будутъ уравновѣшены эти обязанности? Самымъ естественнымъ и вполне законнымъ правомъ, на которое имѣетъ всѣ основанія рассчитывать профессоръ сектовѣдѣнія, должно быть признано полное уравненіе его юридическаго и матеріальнаго положенія съ положеніемъ преподавателей другихъ штатныхъ академическихъ каѳедръ. Это уравненіе осуществимо въ томъ случаѣ, если на его содержаніе будетъ отпущена сумма, не меньшая получаемой другими профессорами, если его каѳедра будетъ общеобязательной, постоянной и штатной, т.-е. если ея замѣститель будетъ пользоваться всѣми правами штатнаго профессора, именно: имѣть наравнѣ съ другими право на экстраординатуру, ординатуру, пенсію, награды, членство въ академическомъ Совѣтѣ и Правленіи. Непрочное и безправное положеніе профессора нештатной каѳедры совершенно не гармонировало бы съ важнымъ значеніемъ науки о русскомъ сектантствѣ и съ громаднымъ количествомъ труда, необходимаго для ея разработки, а также, несомнѣнно, неблагоприятно отразилось бы на подборѣ замѣстителей каѳедры русскаго сектантства“.

Справка: § 104 устава духовныхъ академій: „Съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, по усмотрѣнію нужды, могутъ быть вводимы и новые предметы, сверхъ вышепоименованныхъ (въ §§ 100 и 101), а также вообще дѣлаемы измѣненія въ учебной части академій“.

Опредѣлили: Вполнѣ одобряя предположенія коммисіи относительно учрежденія при Академіи на средства Московской епархіи штатной каѳедры русскаго сектантства и вспомогательныхъ при ней учрежденій (библіотеки и музея), а также относительно причисленія этого предмета къ разряду общеобязательныхъ для всѣхъ студентовъ Академіи и сравненія служебныхъ правъ преподавателя новой науки (въ зависимости отъ ученой степени, которою онъ будетъ обладать, и продолжительности службы) съ правами штатныхъ преподавателей Академіи, — почтительнѣйше представить

означенныя предположенія на Архипастырское благоусмотрѣніе Его Высокопреосвященства.

II. Предложеніе экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ исторіи философіи Павла *Тихомирова*:

„Честь имѣю предложить Совѣту Академіи на освободившуюся, за назначеніемъ о. Серафима (Остроумова) на кафедрѣ гомилетики, должность профессорскаго стипендіата избрать окончившаго въ 1904 году курсъ третьимъ магистрантомъ *Михаила Одинцова*. Г. Одинцовъ—человѣкъ выдающихся умственныхъ дарованій и рѣдкой работоспособности. Въ теченіе академическаго курса онъ обращалъ на себя особенное вниманіе блестящими качествами своихъ семестровыхъ сочиненій, за которыя ему въ настоящемъ засѣданіи присуждена Макарьевская премія. Кандидатская же его работа (о Керкегорѣ), читанная мною, есть трудъ вполнѣ научный и заслуживающій переработки въ магистерскую диссертацию. Въ виду всего этого, весьма желательно дать ему возможность подготовиться къ занятію профессорской кафедры въ Академіи и обработать свою магистерскую диссертацию“.

Справка: 1) Устава духовныхъ академій—*a*) § 54: „Для приготовленія къ занятію преподавательскихъ вакансій въ Академіи, Совѣту предоставляется оставлять при оной на годичный срокъ наиболѣе даровитыхъ студентовъ, кончившихъ курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. *Примѣчаніе*. Лица сии получаютъ содержаніе изъ особо назначенныхъ для того суммъ, въ размѣрѣ не свыше 700 рублей на cadaго“; *b*) § 55: „По истеченіи года, они представляютъ отчетъ Совѣту въ своихъ занятіяхъ, и за тѣмъ могутъ быть опредѣляемы на соотвѣтственныя ихъ приготовленію вакантныя кафедры, съ званіемъ исправляющихъ должность доцента, до окончательнаго утвержденія въ степени магистра. Срокъ для полученія ими сей степени назначается не болѣе двухъ лѣтъ со дня поступленія на должность“; *c*) § 56: „Если приготовившійся къ преподавательской должности въ академіи по какимъ либо обстоятельствамъ не займетъ оную, то установленнымъ порядкомъ назначается на соотвѣтствующую предмету его занятій преподавательскую должность въ одной изъ духовныхъ семинарій“.—2) Какъ видно изъ приказа Г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода отъ 20 ноября 1904 года за № 30, напечатаннаго въ № 44 „Церковныхъ Вѣдомостей, изда-

ваемыхъ при Святѣйшемъ Синодѣ“, кандидатъ Московской Духовной Академіи *Одинцовъ* по опредѣленію Святѣйшаго Синода назначень, съ 6 октября 1904 года, на должность преподавателя основнаго, догматическаго и нравственнаго богословія въ Иркутскую духовную семинарію. 3) Запрошенный по телеграфу, кандидатъ *Одинцовъ* телеграммою же увѣдомилъ Преосвященнаго Ректора Академіи о своемъ согласіи на предложенное ему перемѣщеніе.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о перемѣщеніи преподавателя Иркутской духовной семинаріи *Михаила Одинцова* на должность профессорскаго стипендіата Академіи, съ производствомъ ему вознагражденія по послѣдней должности изъ оклада 700 рублей (за вычетомъ 2⁰/₀ на пенсіи).

На семь журналѣ, —возвращенномъ въ Академію 14 марта 1905 года,—отмѣтки Его Высокопреосвященства:

а) по ст. I: „Заготовить представленіе въ Св. Синодъ объ открытіи противосектантской каведры“.

б) по ст. II: „Снести съ Оберъ-Прокуроромъ, если Совѣтъ Академіи будетъ настаивать на перемѣщеніи *Одинцова*“.

18 декабря 1904 года.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи *Евдокима*, Епископа *Волоколамскаго*, Инспекторъ Академіи *Архимандритъ Іосифъ* и члены Совѣта Академіи, кромѣ профессоровъ: *В. Ключевскаго*, *Н. Каптерева*, *Н. Заозерскаго*, *С. Глаголева*, *А. Введенскаго*, *А. Спасскаго* и *М. Тарѣва*.

Слушали: I. Резолюціи Его Высокопреосвященства, послѣдовавшія на журналахъ собранія Совѣта Академіи 18 ноября 1904 года:

а) „1904 г. Декаб. 10. Утверждается“

б) „1904 г. Декаб. 10. По ст. VII. Согласень ходатайствовать. Прочее утверждается“.

Справка: 1) Въ первомъ журналѣ собранія 18 ноября представлены были на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства опредѣленія Совѣта Академіи о допущеніи священника Московской *Сергіевской*, въ *Рогожской* слободѣ, церкви *Іоанна Орфанитскаго* къ защитѣ его диссертации на степень магистра богословія и о дозволеніи препода-

вателю Виѣанской духовной семинаріи Алексѣю *Малинину* пристуиить къ печатанію таковой же диссертациі—2) Въ ст. XXI второго журнала за то же число—опредѣленіе Совѣта о присужденіи премій окончившимъ въ текущемъ 1904 году курсъ воспитанникамъ Академіи: Анатолію *Орлову* (протоіерея А. М. Иванцова-Платонова—за кандидатское сочиненіе и Митрополита Московскаго Макарія—за семестровыя сочиненія), Михаилу *Одинцову* (Митрополита Московскаго Макарія—за семестровыя сочиненія), Алексѣю *Соколову* (Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго Димитрія—за кандидатское сочиненіе), Борису *Гречеву* (протоіерея А. И. Невоструева—за кандидатское сочиненіе) и Владиміру *Цвѣткову* (протоіерея І. Орлова—за проповѣди).

Опредѣлили: Резолюціи Его Высокопреосвященства принять къ исполненію и сообщить Правленію Академіи—для зависящихъ распоряженій.

II. Отношеніе Г. Директора Хозяйственнаго Управленія при Святѣйшемъ Синодѣ, Тайнаго Совѣтника, Петра Ивановича *Остроумова* (отъ 9 декабря за № 29553):

„Получивъ при отношеніи, отъ 30 мин. Ноября за № 1090, дипломъ на званіе Почетнаго Члена Московской Духовной Академіи, имѣю честь принести Совѣту Академіи мою искреннюю благодарность за оказанную мнѣ честь“.

Опредѣлили: Отношеніе хранить при дѣлахъ Совѣта Академіи.

III. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *ноябрь* мѣсяцъ текущаго года, изъ которой видно, что—*а) по болѣзни*: исправляющій должность доцента и лекторъ французскаго языка Павелъ Соколовъ опустилъ 32 лекціи, исправляющій должность доцента и лекторъ англійскаго языка Илья Громоглазовъ — 22 лекціи, экстраординарный профессоръ Алексѣй Введенскій—12 лекцій, заслуженный ординарный профессоръ Николай Заозерскій и экстраординарный профессоръ Александръ Голубцовъ—по 6 лекцій, заслуженный ординарный профессоръ Василій Ключевскій и экстраординарный профессоръ Анатолій Спасскій—по 4 лекціи, о. Инспекторъ Архимандритъ Іосифъ и исправляющій должность доцента Сергѣй Смирновъ—по 3 лекціи и экстраординарный профессоръ Иванъ Поповъ—2 лекціи; *б) по случаю исполненія обязанностей*

присяжннхъ застѣателей въ окружномъ судѣ: экстраординарные профессора Василій Мышцынъ, Иванъ Поповъ и Иванъ Андреевъ и доцентъ Николаѣй Городенскій—по 4 лекціи; в) *по служебнымъ обстоятельствамъ*: лекторъ нѣмецкаго языка Василій Лучининъ—2 лекціи; г) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: исправляющій должность доцента Дмитрій Коноваловъ—4 лекціи“.

Опредѣлили: Вѣдомость записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

IV. Прошеніе помощника бібліотекаря Академіи Сергѣя Крылова:

„Въ виду болѣзни моеѣ, препятствующей мнѣ продолжать занятія въ бібліотекѣ, покорнѣйше прошу Совѣтъ Московской Духовной Академіи уволить меня отъ занимаемой мною должности“.

Справка: По § 81 лит. б п. 6 устава духовныхъ академій: „Увольненіе и удаленіе должностныхъ лицъ, въ п. 4 поименованныхъ“ (въ томъ числѣ и помощника бібліотекаря) значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ о разрѣшеніи уволить кандидата богословія Сергѣя Крылова, согласно его прошенію, отъ занимаемой имъ должности помощника бібліотекаря Академіи.

V. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 19 ноября за № 8956: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 11 ноября 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Михаилъ *Платоновъ* опредѣленъ на должность учителя латинскаго языка въ Веневское духовное училище“.

б) отъ 25 ноября за № 9106: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 18 ноября 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Московской духовной академіи Павелъ *Высотскій* опредѣленъ на должность учителя латинскаго языка въ Тобольское духовное училище, а назначенный 2 сентября 1904 года на эту вакансію кандидатъ Московской же духовной академіи

Евгеній *Плотниковъ*, согласно прошенію, освобожденъ отъ даннаго ему назначенія“.

в) отъ 9 декабря за № 9525: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 3 декабря 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ дѣйствительный студентъ Московской духовной академіи Александръ *Минералловъ* опредѣленъ на должность учителя русскаго языка въ старшіе классы Ишимскаго духовнаго училища“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Отношеніе Совѣта Кіевской Духовной Академіи отъ 20 ноября за № 2007:

„Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи имѣетъ честь возвратить при семъ 9 книгъ, высланныхъ для научныхъ занятій студента Академіи Павла Смирнова при отношеніи Совѣта отъ 28 октября сего года за № 1003:

1) Eichhorn. Allgemeine Bibliothek der biblischen Literatur. (2 тома).

2) Keerl. Die Apokryphen des alten Testaments.

3) Stier. Die Apokryphen des alten Testaments.

4) Reusch. Lehrbuch der Einleitung in das alte Testament.

5) Eichhorn. Einleitung in die apokryph. Schriften des alten Testaments: die Apokryphen.

6) Michaelis. Orientalische und exegetische Bibliothek. (три тома).

О полученіи означенныхъ книгъ Совѣтъ Академіи проситъ не отказать увѣдомленіемъ“.

Опредѣлили: Книги сдать въ фундаментальную академическую бібліотеку и увѣдомить о полученіи ихъ Совѣтъ Кіевской Духовной Академіи.

VII. Отношеніе Пермской ученой архивной Коммиссіи отъ 9 ноября за № 1253:

„Посылая періодически въ бібліотеку Московской Академіи и въ редакцію издаваемаго ею журнала свои „Труды“, Пермская учебная архивная Коммиссія очень была заинтересована въ томъ, чтобы имѣть въ своей бібліотекѣ изданія Московской Духовной Академіи.—Въ виду этого она обращается въ Совѣтъ Академіи съ покорнѣйшею просьбою не отказать установить обмѣнъ изданія „Богословскій Вѣстникъ“ на „Труды“ Пермской ученой архивной Коммиссіи“.

Опредѣлили: Высылать съ 1905 года Пермской ученой

архивной Комиссии, въ обменъ на ея „Труды“, одинъ экземпляръ Богословскаго Вѣстника“, о чемъ и сообщить редакціи журнала.

VIII. Разсуждали: *О выдачѣ изъ процентовъ съ капитала, завѣщаннаго покойною П. А. Мухановою, пособій членамъ академической корпораціи.*

Справка: По § 4—5 руководственныхъ правилъ при распредѣленіи пособій изъ процентовъ съ капитала, пожертвованнаго П. А. Мухановою: „Проценты съ другой части Мухановскаго капитала, въ количествѣ 1187 руб. 50 коп. (нынѣ, по обменѣ 5% облигаціи Московскаго Городскаго Кредитнаго Общества, въ которыхъ заключался означенный капиталъ, на свидѣтельства Государственной 4% ренты,—въ количествѣ 1000 рублей), назначенные „на дополнительныя къ жалованью пособія членамъ академической корпораціи“, каждагодно распредѣляются въ декабрьскомъ засѣданіи Совѣта на пять равныхъ частей, изъ коихъ ежегодно не менѣе трехъ выдается семейнымъ, и не менѣе одной—безсемейнымъ лицамъ.—Право на пособіе получаютъ тѣ лица академической корпораціи, которыя прослужили не менѣе 5 лѣтъ, а при Академіи не менѣе 2 лѣтъ, причемъ включается сюда и годъ профессорскаго стипендіатства“.

Опредѣлили: 1) Изъ процентовъ съ капитала П. А. Мухановой, въ количествѣ 1000 рублей, выдать пособія слѣдующимъ лицамъ: О. Инспектору Академіи *Архимандриту Госифу*, заслуженному ординарному профессору *Александру Бяляеву*, ординарному профессору *Сергѣю Глаголеву*, экстраординарному профессору *Алексѣю Введенскому* и исправляющему должность доцента *Павлу Соколову*, по равной суммѣ—*200 рублей*—каждому.—2) Постановленіе сіе представить на Архипастырское утвержденіе Его Высокопреосвященства.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства:

„1904 г. Декаб. 23. По ст. IV. Разрѣшается уволить г. Крылова отъ занимаемой имъ должности, согласно его прошенію. Прочее смотрѣно и утверждается“.
